

ISSN 2664-374X (Print)
ISSN 2664-3758 (Online)

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Е
**Юридические
науки**

2/2023

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального
университета. Серия Е: Юридические науки»**

Главный редактор – д.ю.н., доцент, профессор, зав. кафедрой административного и финансового права **Е. М. Сынкова**.

Зам. главного редактора – к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**.

Ответственный секретарь – к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**.

Технический секретарь – специалист-редактор 1 категории **А. К. Ярошенко**.

Члены редколлегии: – к.ю.н., доцент **Е. А. Матвиенко**; к.ю.н., доцент **Е. Ю. Краснонос**; к.ю.н., доцент **М. П. Тишаков**; к.ю.н., доцент **О. В. Никольская**; к.ю.н., доцент **Л. Ю. Одегова**; к.ю.н., доцент **Е. Н. Дорошева**; к.ю.н., доцент **С. Н. Пашков**; к.ю.н., доцент **Е. В. Цыба**; к.ю.н., доцент **В. Н. Швайковская**; к.ю.н., доцент **Е. В. Горбатенко**; к.ю.н., доцент **А. В. Ефремова**; к.ю.н., доцент **Л. А. Семькина**; к.ю.н., доцент **Н. В. Семькин**; к.ю.н., доцент **О. А. Левендаренко**; к.ю.н., доцент **Э. Е. Манивлец**; к.ю.н., доцент **С. Н. Меркулов**; к.ю.н., доцент **Т. В. Тютюнник**; к.ю.н., доцент **Г. А. Хань**; к.ю.н., доцент **А. И. Журба**; д.ю.н. **С. В. Лихачев**; к.ю.н., доцент **Д. С. Каблов**; к.ю.н., доцент **И. К. Василенко**; к.ю.н., доцент **В. Ю. Поляков**; к.ю.н., доцент **Н. А. Бардашевич**; к.ю.н., доцент **Е. В. Кулакова**.

**The Editorial Board of the journal «Bulletin of Donetsk National University.
Series E: Legal science»**

Editor in Chief – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Head. Department of Administrative and Financial Law **E. M. Synkova**.

Deputy Editor-in-Chief – Candidate of Laws, Associate Professor **N. V. Aseeva**.

Executive Secretary – Candidate of Laws, Associate Professor **N. A. Timoshenko**.

Technical Secretary – 1st category editor **A. K. Yaroshenko**.

Members of the editorial board: - Ph.D., Associate Professor **E. A. Matvienko**; Candidate of Law, Associate Professor **E. Yu. Krasnonosov**; Candidate of Law, Associate Professor **M. P. Tishakov**; Candidate of Law, Associate Professor **O. V. Nikolskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **L. Yu. Odegova**; Candidate of Law, Associate Professor **E. N. Dorosheva**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Pashkov**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Tsyba**; Candidate of Law, Associate Professor **V.N. Shvaykovskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **E.V. Gorbatenko**; Candidate of Law, Associate Professor **A.V. Efremova**; Candidate of Law, Associate Professor **L. A. Semykina**; Candidate of Law, Associate Professor **N. V. Semykin**; Candidate of Law, Associate Professor **O. A. Levendarenko**; Candidate of Law, Associate Professor **E. E. Manivlets**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Merkulov**; Candidate of Law, Associate Professor **T. V. Tyutyunnik**; Candidate of Law, Associate Professor **G. A. Han**; Candidate of Law, Associate Professor **A.I. Zhurba**; Doctor of Law **S. V. Likhachev**; Candidate of Law, Associate Professor **D.S. Kablov**; Candidate of Law, Associate Professor **I. K. Vasilenko**; Candidate of Law, Associate Professor **V. Yu. Polyakov**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Bardashevich**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Kulakova**.

Адрес редакции: ФГБОУ ВО «ДонГУ», ДНР, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Тел.: +38(949) 36-707-35

E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ (Лицензионный договор № 463-11/2019 от 14.11.2019 г.): https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=74221

*Печатается по решению Ученого совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 12 от 22.12.2023 г.*

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Е: Юридические науки

№ 2/2023

СОДЕРЖАНИЕ

Виндилович Е. А.

Правосознание семьи как социокультурный феномен
современности 3

Левандаренко О. А., Протасов Д. В.

Проблемы правовой регламентации возмещения вреда,
причиненного преступлением, посредством рассмотрения
судами гражданского иска по уголовному делу 10

Поляков В. Ю.

Принципы местного самоуправления 21

Полякова Н. Г.

К вопросу о правовой регламентации принципа
добросовестности в публичных правоотношениях 32

Ренжигло Р. Е.

Влияние деструктивного интернет-контента на формирование
экстремистских взглядов у молодежи 43

Самсина Ю. А.

Проблемные аспекты адвокатуры как ключевого института
гражданского общества 51

Ткаченко М. М., Соколенко А. В.

Тенденции развития миграционной политики
Российской Федерации и её влияние на современное
гражданское общество 59

Финкина А. П., Поздеева В. С.

Фанфикшн и авторское право 66

Правила для авторов 74

Bulletin of Donetsk National University

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Series E: Legal sciences

№ 2/2023

CONTENTS

Vindilovich E.

Legal awareness of the family as
a socio-cultural phenomenon of modernity 3

Levendarenko O., Protasov D.

Problems of legal regulation of compensation for damage
caused by a crime through consideration by courts
of a civil claim in a criminal case 10

Polyakov V.

Principles of local government 21

Polyakova N.

On the issue of legal regulation of the principle of integrity
in public legal relations 32

Renzhiglo R.

The influence of destructive internet content on the formation
of extremist views in youth 43

Samsina Ju.

Problematic aspects of advocacy as a key institution
of civil society 51

Tkachenko M., Sokolenko A.

Trends in the development of the migration policy
of the Russian federation and its impact
on modern civil society 59

Finkina A., Pozdeyeva V.

Fanfiction and copyright 72

Guidelines for authors 74

УДК 340.12:316.334.4

Виндилович Е. А.

ПРАВОСОЗНАНИЕ СЕМЬИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ

В статье рассмотрены особенности феномена правосознания семьи, как сложного структурного образования в контексте трансформации идеологических представлений современного общества. Изучены точки зрения различных научных деятелей относительно сущностной природы правосознания, как ключевого атрибута общественного сознания. Автором также определены особенности категории «правовое воспитание», как многогранного процесса, решающего важные задачи формирования правосознания и высокой правовой культуры с ранних лет.

Ключевые слова: институт семьи, общественное сознание, правосознание, правовое воспитание, социализация личности

Возрастающий уровень глобальных процессов в обществе predetermined современную политику развивающихся стран, которая в качестве центрального компонента направления своей деятельности определяет человека, его права и свободы как высшую ценность реализации идей гражданского общества. При этом, наиболее сложной формой социальной общности выступает семья, как особый социокультурный феномен. Институт семьи выступает в качестве целостной социальной системы, функциональная ценность которой направлена на процесс становления личности, его отдельных компонентов, среди которых центральное место в структуризации личности занимают мировоззрение и правосознание, как главные атрибуты общественного сознания.

Правосознание находится в неразрывной связи с правом, которое выступает для него отправной точкой в построении объективного сознания человека и его правомерного поведения. Следует согласиться с мнением Толпыкина В. Е., который отмечает, что «... опираясь на право и являясь

его коррелятом, правосознание выступает формой осознания права как специфического явления социальной действительности» [1, с. 129].

Правосознание, в контексте трансформаций идеологических представлений общества укладов повседневной правовой жизни, подвержено постоянным изменениям.

В учебной правовой литературе правосознание трактуется, как одна из форм общественного сознания, отражающая общественные отношения, которые регулируют или должны быть урегулированы нормами права, чье содержание и развитие обуславливается условиями существования общества [2, с. 141]. Такой автор, как С. С. Алексеев подчеркивает, что ключевым пунктом правосознания выступает осознание людьми ценностей естественного права, прав и свобод человека и одновременно представлений о действующем позитивном праве, о том, насколько оно соответствует естественному праву, правовым ценностям и идеалам [3, с. 25–26].

Данное явление не является изолированным от других форм общественного сознания, а напротив, взаимосвязано и взаимодействует с ними посредством комплексного усвоения индивидом ценностей и норм общества с точки зрения разрозненных концептуальных основ. В правовой идеологии нередко возникают конфликты различных взглядов, представлений, происходит деформация адекватного восприятия истинной ориентации права, что приводит к правовому дилетантизму или инфантилизму. В связи с этим, роль семьи в современном социуме чрезвычайно высока, ведь первичные установки, которые закладываются в сознание личности, формируются исходя из общих представлений и идейных направленностей внутри отдельной «первичной ячейки общества».

Исследованию отдельных проблем теории правосознания уделялось особое внимание на всех этапах развития отечественной юридической науки. Среди авторов, уделивших внимание исследованию данных вопросов, следует отметить работы: С. С. Алексеева, Е. А. Белканова, Н. Н. Вопленко, К. Т. Вельского, Ю. М. Грошевого, Г. Х. Ефремова, А. Э. Жалинского, Г. А. Злобина, В. П. Казимирчука, В. И. Каминской, В. Н. Кудрявцева, Е. А. Лукашевой, Л. С. Мамута, Н. И. Матузова, Е. В. Назаренко, Ю. И. Новика, Г. С. Остроумова, И. Ф. Покровского, В. П. Сальникова, Н. Я. Соколова, Л. И. Спиридонова, А. В. Трошева, Н. Г. Юркевича, З. А. Янковой, А. М. Яковлева и др.

Вопросы изучения правосознания семьи обусловлены особым предметом исследования, а также подходами к пониманию данного

социоправового института. В научной литературе выдвигается огромное количество подходов, которые определяют сущностную роль семьи, в соответствии с которыми данная категория характеризуется «... как «матрица человеческой личности», часто описывается как «элемент социальной структуры», «первичная ячейка общества», «наиболее сложная форма социальной общности»» [4, с. 179], что на наш взгляд весьма ёмко определяет рассматриваемое комплексное явление.

Формирование правосознания происходит под влиянием различных факторов, которые определяются как внутренними индивидуальными особенностями личности, так и образуются под влиянием социальной среды, окружающей индивида, ближайшего круга его общения, воспитания, традиций, заложенных в семье. Семья выступает самым первым базовым институтом формирования правовых взглядов и ценностных ориентиров, которые фактически передаются от поколения к поколению. Первостепенным фактором, по мнению Климкиной Ю. А., оказывающим влияние на формирование правового сознания личности выступает семья. По её мнению, именно в семье происходит закладка ценностей, прививается уважение к закону и государству [5]. Данную позицию поддерживает и такой автор, как О. С. Ростовской, который отмечает, что именно семья является важнейшим институтом становления личности ребенка, формирования его неповторимых, персональных качеств [6, с. 20]. Необходимо также привести точку зрения И. А. Ильина, который в качестве индивидуального аспекта духовного призвания семьи отмечал, что только она «... во всей полноте может дать ребенку самое главное и существенное в его жизни – открыть путь к любви, внутренней свободе, совести, вере, верности, самостоятельности – ко всему, что составляет, источник личного духовного характера» [7, с. 206–207].

В утверждённых Президентом Российской Федерации от 28 апреля 2011 г. № Пр-1168 «Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» из всех обозначенных факторов, которые оказывают влияние на формирование правовой культуры и позитивного типа правосознания, первостепенное значение уделяется особому характеру воспитания и моральному климату в семье, законопослушному поведению родителей. Таким образом, как законодатель, так и научное сообщество едины во мнении, что прерогатива в формировании правовых идеалов отводится именно семье [8].

Основным механизмом передачи знаний, опыта и правовой идеологии выступает процесс воспитания. Правовое воспитание в отличие от иных форм воспитания, имеет специфическое предназначение, которое заключается в формировании социально активных и ответственных, юридически грамотных индивидов, которые будут выступать в качестве одного из компонентов правовой гармонизации личности и общества, его структур в правовой плоскости.

Стоит отметить, что понятие правовое воспитание в силу своей категориальной обширности и разноплановости в научном кругу имеет не малое количество дефиниций, которые значительно отличаются по содержанию и объему. Так, одни авторы рассматривают правовое воспитание, как сложный, многогранный процесс, решающий важные задачи формирования высокого правосознания и высокой правовой культуры, другие же – представляют данную форму воспитания в качестве деятельности по трансляции (передаче) правовой культуры, правового опыта, правовых идеалов и механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения к другому» [9, с. 253]. В данном случае стоит согласиться с Пеструиловым А. С., который отмечал, что в определениях правового воспитания «... в качестве ключевых используются разнопорядковые термины «процесс» и «деятельность», что приводит к определённой путанице в восприятии истинного значения данного правового явления, что может повлечь за собой нарушение методики организации указанной формы воспитания, его целевых установок [10].

Другой позиции в вопросе трактовки понятия правовое воспитание придерживается А. А. Кваша, который ретранслирует данную категорию через его составные элементы: «Правовое воспитание состоит в передаче, накоплении и усвоении знаний принципов и норм права, а также в формировании соответствующего отношения к праву и практике его реализации, умении использовать свои права, соблюдать запреты и исполнять обязанности. Отсюда есть необходимость в осознанном усвоении основных, нужных положений законодательства, выработке чувства глубокого уважения к праву. Полученные знания должны превратиться в личное убеждение, в прочную установку, строго следовать правовым предписаниям, а затем – во внутреннюю потребность соблюдать закон» [11, с. 288].

К сожалению, на данный момент не все современные семьи могут претендовать на звание «лучших воспитателей» в связи с проблемами, которые образуются в рамках семейного микроклимата. Становление

взаимоотношений между членами семьи протекает в условиях политической, экономической и социокультурной дестабилизации, связанных с глобализационными процессами, которые несут в себе не только положительный, но и негативный аспект. К примеру, современное общество характеризуется своей информативностью, что выражается в получении им доступа к различным информационным и телекоммуникационным источникам. Однако информация, размещенная на просторах указанных сетей, не всегда отличается своей точностью и достоверностью, что приводит к неправильной интерпретации полученных сведений, а вместе с ним, в некоторых случаях, деформации правосознания, подрыву доверия к государственному аппарату власти, что в целом выступает в качестве разрушительного фактора правовых основ нравственности общественности.

Исходя из этого, семья, как базисный источник знаний, занимает определяющее место в правовой социализации личности начиная с самых ранних лет психосоциальной эволюции ребенка. При этом, по справедливому суждению Атагимовой Э. И., важным механизмом передачи накопленных представлений и идей, выступает правовое воспитание, как «... продолжение того сложного и многогранного процесса политического, нравственного, культурного воспитания, которое начинается на более ранних стадиях развития человека» [12].

Стоит учитывать, что помимо передачи определённых знаний, ценностей и идеологии, каждый из членов семьи должен обновлять свои представления о праве с учётом стихийно развивающихся общественных отношений в современном социуме. Данные представления должны базироваться на основании действительной юридической картины мира. В свою очередь, у государства появляется корреспондирующая обязанность – обеспечение надлежащего уровня благосостояния страны, формирование государственной политики с учётом всем глобализационных изменений в обществе для исключения возможных случаев деформации правосознания своего населения. Только работа всех структурных единиц в комплексе «государство-общество-семья» будет способствовать формированию правильной ориентации правовой действительности, уважения к закону и т.д.

Так, вполне оправданным является высказывание Д. А. Медведева, который указал, что «... правовым, а стало быть, и справедливым государством может быть только такое, где и власть и общество хорошо знают и уважают законы своей страны» [13].

Исходя из вышесказанного, важным аспектом в воспитании здорового, юридически грамотного общества, является организация работы по активизации пропаганды права в средствах массовой информации, мониторинг страниц сайтов в сети Интернет на предмет размещения сведений не умаляющих важность правовых институтов государственной власти, изучение правовых дисциплин не только в профильных вузах и средних специальных учебных заведениях, но и в непрофильных в качестве факультативных дисциплин, организация массовых мероприятий по правовому просвещению и прочее.

Список источников

1. Толпыкин, В. Е. Правосознание как социокультурный феномен / В. Е. Толпыкин // Общество: политика, экономика, право. – 2011. – № 3. – С. 127–132.
2. Васильев, В. Л. Юридическая психология: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В. Л. Васильев. – 5-е изд., доп. и перераб. – СПб. [и др.]: Питер, 2002. – 654 с.
3. Алексеев, С. С. Философия права: история и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы / С. С. Алексеев. – Москва: НОРМА, 1999. – 329 с.
4. Малыгин, Г. С. Смысл жизни и жизнь смысла: [Монография] / Г. С. Малыгин. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1998. – 245 с.
5. Климкина, Ю. А. Факторы, оказывающие влияние на формирование правового сознания несовершеннолетних / Ю. А. Климкина // Молодой ученый. – 2016. – № 14 (118) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/118/32866/> (дата обращения: 28.02.2023). – Загл. с экрана.
6. Ростова, О. С. Семейное воспитание несовершеннолетних – приоритетное направление государственно-правовой политики Российской Федерации / О. С. Ростова // Правовая информатика. – 2016. – № 3. – С. 20–25.
7. Ильин, И. А. Путь духовного обновления / Иван Ильин; [сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов]. – Изд. 2-е. – Москва: Ин-т русской цивилизации: Родная страна, 2017. – 1298 с.
8. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // СПС «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071558/> (дата обращения: 28.02.2023). – Загл. с экрана.
9. Перевалов, В. Д. Теория государства и права: учебник для бакалавров: для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В. Д. Перевалов; Уральская гос. юридическая акад. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва: Юрайт, 2012. – 415 с.

10. Пеструилов, А. С. Понятие и значение правового воспитания для современной России / А. С. Пеструилов // Вестник КРУ МВД России. – 2020. – № 3(49). – С. 109–113.
11. Кваша, А. А. Правовые установки граждан: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история правовых учений / А. А. Кваша. – Ростов-на-Дону, 2002. – 160 с.
12. Атагимова, Э. И. Роль института семьи при формировании нравственности и правосознания личности в условиях современного информационного пространства России / Э. И. Атагимова // Правовая информатика. – 2017. – № 2 – С. 18–27.
13. Медведев, Д. А. Выступление на II Общероссийском гражданском форуме 22 января 2008 года // Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2008/01/24/tekst.html> (дата обращения: 01.03.2023). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 30.11.2023 г.

LEGAL AWARENESS OF THE FAMILY AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON OF MODERNITY

The article deals with the peculiarities of the phenomenon of legal awareness of the family as a complex structural formation in the context of the transformation of ideological representations of modern society. The points of view of various scientific figures regarding the essential nature of legal consciousness as a key attribute of public consciousness are studied. The author also defines the features of the category «legal education» as a multifaceted process that solves important problems of the formation of legal awareness and high legal culture from an early age.

Keywords: family institute, social consciousness, legal awareness, legal education, socialization of personality.

**Виндилович Елена
Александровна**
ассистент кафедры теории
и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Донецкий
государственный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: help.dean.f@donnu.ru

Vindilovich Elena
Assistant of the Department of
Theory and History of State and
Law of Donetsk State University
DPR, Donetsk
E-mail: help.dean.f@donnu.ru

УДК 347.426.6

Левендаренко О. А.

Протасов Д. В.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, ПОСРЕДСТВОМ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В статье проведен анализ проблематики правового регулирования института возмещения вреда, причиненного преступлением путем предъявления гражданского иска в уголовном судопроизводстве. На основе проведенного анализа выделены ряд проблем при определении субъектного состава участников и при компенсации морального вреда и внесены предложения по усовершенствованию действующего порядка возмещения вреда.

Ключевые слова: вред, компенсация, убытки, возмещение, иск.

Как известно, одной из важнейших задач государства является защита законных прав и интересов его граждан, а наиболее «тонкой» и дискуссионной сферой является соблюдение прав лиц в ходе уголовного разбирательства. Причем не только с позиции обеспечения прав лиц, в отношении которых ведется уголовное преследование, но и справедливого разрешения вопроса о возмещении потерпевшим вреда, причиненного преступлением. Зачастую для потерпевшего имеет большее значение не факт привлечения лица, совершившего общественно-опасное деяние, к уголовной ответственности, особенно в преступлениях против собственности, а возмещение вреда, непосредственно причиненного при совершении или вследствие совершения преступления. Тенденции развития законодательства в целом и регламентирующего институт возмещения вреда, причиненного вследствие совершения незаконных действий в частности,

© Левендаренко О. А., Протасов Д. В., 2023

характеризуются интеграцией и унификацией норм права, относящихся к различным его отраслям. Примером тому может служить институт возмещения вреда, причиненного преступлением, регулируемым как нормами гражданского, гражданско-процессуального, так и уголовно-процессуального права. В связи с этим, разрешение вопросов об усовершенствовании исковой формы защиты прав потерпевших от преступлений в уголовном судопроизводстве, является одним из основополагающих на современном этапе развития отечественного законодательства.

Теоретическими исследования по рассматриваемой теме проводились Л. А. Прокудиной, Е. В. Бирюковой, Д. В. Дождевым, А. Г. Мазаловым, А. А. Ягельницким и другими авторами.

Институт возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве требует существенного реформирования, поскольку на практике количество рассмотрения судами уголовных дел с одновременным разрешением гражданских исков имеет невысокий уровень. В рамках исследования предлагается рассмотреть проблемы законодательного регулирования возмещения вреда, возникшего из-за должностных преступлений, а также особенности возмещения морального вреда, причиненного вследствие совершения преступления.

Цель статьи представляет собой анализ особенностей института возмещения вреда, причиненного преступлением, посредством подачи гражданского иска в уголовном процессе и выявление проблем в межотраслевом правовом регулировании гражданского иска нормами уголовного, гражданского, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права.

Специфика гражданского иска позволяет реализовать возможность компенсации морального вреда и возмещения убытков, возникших вследствие совершения преступления наряду с привлечением лица к уголовной ответственности, поскольку характер и размер вреда, согласно ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1], входят в предмет доказывания. Следовательно, нельзя не согласиться с мнением Л. А. Прокудиной, что данные правоотношения будут регулироваться одновременно как нормами гражданского и гражданско-процессуального, так и уголовно-процессуального права [2]. Как отмечает Е. В. Бирюкова, тот, кто причинил вред, может одновременно выступать должником по гражданско-правовому обязательству, обязанным возместить причиненный вред, а потерпевший,

в свою очередь, становится кредитором по данному обязательству и имеет право требовать возмещение морального и материального вреда [3].

Ряд авторов в своих исследованиях отмечают, что по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по состоянию на 2016 год, 10 % уголовных дел завершаются судами с разрешением гражданских исков [4], причем такая ситуация кардинально не изменилась с течением времени и в 2022 году [5]. Таким образом, дискуссии среди исследователей возникают относительно предмета доказывания, круга лиц, ответственных за причинённый вред, а также содержания вынесенных судебных решений вследствие подачи таких исков.

Широкий спектр гражданских прав способствует закреплению в гражданском законодательстве всевозможных способов их защиты. Ст. 35 Конституции Донецкой Народной Республики [6] как и ст. 46 Конституции Российской Федерации [7] гарантирует каждому право на судебную защиту его прав и свобод, закреплённых в действующем законодательстве. Иногда, судебная защита подразумевает защиту нарушенных прав не только в рамках гражданского, но и уголовного судопроизводства. Как отмечает в своем исследовании Н. Н. Сенин, способами возмещения вреда, причиненного преступлением в уголовном процессе, являются: добровольное возмещение, уголовно-процессуальная реституция и гражданский иск [8, с. 8]. Такая особенность характеризует возможность предъявления гражданского иска в уголовном процессе с целью защиты нарушенного права. Исковое заявление, предъявляемое в рамках уголовного процесса, относится к искам о присуждении [9, с. 4]. Однако, по большому счету, потерпевшим без разницы, какой из способов будет использоваться для достижения их главной цели – восстановления того уровня благосостояния, который существовал до совершения противоправных деяний в отношении их.

Основу возмещения вреда, причинённого преступлением, составляют общие положения, содержащиеся в ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [10], которые указывают на то, что вред подлежит возмещению в полном объеме лицом, которое его причинило в соответствии с правилами «генерального» деликта. Специальной нормы, регламентирующей особенности возмещения вреда, причиненного преступлением в ГК РФ нет. Однако, несмотря на это общее правило, закреплённое в Гражданском кодексе, ответчиком

по гражданскому иску может быть не только сам преступник, но и иные лица, например, владелец источника повышенной опасности либо организация, в которой он исполнял служебные обязанности в момент причинения вреда.

Существенное значение для судебной практики при рассмотрении гражданских исков с участием физических лиц, имеет Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» (далее – Постановление № 23) [11], пункт 7 которого указывает на необходимость применения положения части 3 статьи 1080 ГК РФ и удовлетворения исковых требований в случаях, когда при хищении имущества его повреждение или утрата происходит вследствие действий не похитителя, а другого лица, завладевшего похищенным после похитителя, в случае предъявления к нему гражданского иска о возмещении такого вреда. По нашему мнению такая позиция направлена на эффективную реализацию прав потерпевшего с учётом упрощённой процедуры подачи гражданского иска.

Историческое представление гражданско-правовой ответственности за причинённый вред сформировалось ещё в Древнем Риме на основе Закона Аквилы, который предусматривал возможность подачи квазиделиктных исков, содержащих специальные условия возмещения вреда [12]. Одним из условий предусматривалась обязанность по возмещению вреда, причиненного при осуществлении публичных полномочий, которая могла возлагаться лично на должностных лиц, виновно его причинивших. Однако такая позиция просуществовала недолго, в связи с низким уровнем платежеспособности чиновников низшего звена.

Сложившаяся впоследствии либеральная концепция административного права была направлена на защиту частных лиц и организаций от злоупотребления властью среди чиновников, посредством возложения обязанности по возмещению вреда на государство. Доработать данную концепцию в дальнейшем удалось благодаря идее Отто фон Гирке, подразумевающей, что вина юридического лица заключается в вине его органов, а, следовательно, вина публичного образования – в вине государственных органов и должностных лиц [13]. В период развития общественного производства, последствия вышеуказанной концепции, выражались в несправедливом возложении ответственности на работодателя за вред, причиненный

виновными действиями работника. С экономической точки зрения данный подход, создает должную мотивацию для обеспечения контроля над должностными лицами, а также для совершенствования организации государственной власти.

Положения статьи 16 и 1069 ГК РФ указывают на то, что вред, причиненный гражданам и организациям в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению Российской Федерацией, или соответствующим субъектом Российской Федерации, или муниципальным образованием. От имени казны, в данном случае выступает не работодатель должностного лица, причинившего вреда, а главный распорядитель бюджетных средств органа, причинившего вред.

Даная позиция находит своё отражение среди некоторых исследователей, которыми отмечено, что основаниями ответственности государства могут выступать две группы оснований: в первом случае вред причиняется конкретным должностным лицом, нарушившим свои должностные обязанности в противоречии с нормами права, а во втором – вред может быть причинен в результате ненадлежащего функционирования государственного аппарата в целом, когда не имеет значения, каким именно должностным лицом были допущены нарушения [14, с. 67].

Судебная практика [15] также подтверждает теорию прямой ответственности публично-правового образования за ненадлежащее исполнение публичных обязанностей, но не устанавливает факт совершения неустановленными лицами в установленной сфере контроля того или иного публично-правового образования в качестве основания для признания бездействия уполномоченных органов незаконными, иначе за любой причинённый вред ответственность возлагалась бы на государство. При условии прямой ответственности со стороны государства такой подход повлечёт бы за собой тенденцию по усилению контроля над субъектами предпринимательской деятельности, а в худшем случае – вторжение в частную сферу деятельности.

Индивидуальная ответственность должностных лиц в доктрине права носит дискуссионный характер, поскольку должностное лицо, при выполнении своих обязанностей выступает от имени государства и от своего имени одновременно. Исходя из анализа положений ст. 1068 ГК

РФ можем сделать вывод, что данная норма не содержит указаний относительно личной ответственности работника, а, следовательно, и не исключается возможность предъявления иска к должностному лицу, несмотря на возможный вопрос в будущем о надлежащем (ненадлежащем) ответчике при рассмотрении дела судом.

В уголовном процессе прослеживается практика по взысканию причинённого вреда с должностного лица [16] [17] [18]. Предъявление прямого гражданского иска к должностному лицу имеет место в порядке регресса, когда речь идёт об убытках, причиненных умышленными правонарушениями частным лицам. Вместе с тем, согласно анализу судебной практики [19], должностные лица, представляющие государство, причиняя вред частным лицам, должны нести солидарную ответственность с государством, поскольку ответственность одного субъекта, не исключает ответственность другого. Само по себе отсутствие вины конкретного должностного лица в нарушении публичных обязанностей не свидетельствует об отсутствии вины государства, если вред причинен в результате ненадлежащей организации исполнения публичных обязанностей. Вместе с тем, вопрос о том, кто является непосредственным причинителем вреда, разрешается в судебной практике неоднозначно.

Позиция по возмещению морального вреда отражена в п. 13 и 14 Постановления № 23, указывая на необходимость взыскания морального вреда при совершении имущественных преступлений, посягающих на личные неимущественные права [11]. Данная норма применима к случаям, когда вследствие совершения преступления потерпевшему причиняются нравственные страдания. По общему правилу, в качестве гражданского ответчика будет выступать обвиняемый по уголовному делу. Если закон возлагает обязанность возмещения вреда на кого-то еще, то разрешается привлечь конкретное физическое или юридическое лицо. По смыслу положений Постановления № 23 следует, что прямое указание, относительно того, кто вправе представлять доказательства причинения морального вреда не предусмотрено. Такая позиция законодателя позволяет сделать вывод об отсутствии обязанности доказывания наличия морального вреда для органов, осуществляющих предварительное следствие. Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что размер компенсации морального вреда, причинённого преступлением, напрямую зависит от качества доказательственной базы, представленной непосредственно потерпевшим.

При удовлетворении исковых требований, компенсация морального вреда осуществляется в денежной форме с учётом положений, закреплённых в п. 2 ст. 151 ГК РФ. Рассматривая особенности возмещения морального вреда, причинённого преступлением, следует выделить противоречие между следственной и судебной практикой при определении размера его возмещения. Например, в 2017 году судами Российской Федерации было рассмотрено два дела, в которых родственники обращались за компенсацией морального вреда в связи с гибелью сыновей в ДТП, и при практически идентичных обстоятельствах в одном случае было взыскано 2 млн. руб., а в другом – 85 тыс. руб. [20].

Кроме того, на практике суд может отказать в возмещении морального вреда, если он причинён вследствие ненасильственного преступления, ссылаясь на отсутствие в отношении потерпевшего действий, посягающих на его личные неимущественные права либо на иные, принадлежащие гражданину нематериальные блага [21].

Противоположная позиция Конституционного Суда Российской Федерации [22] указывает на то, что действующие правовые нормы не исключают возможности компенсации морального вреда, причиненного действиями (бездействием), нарушающими и имущественные права гражданина.

Изложенное позволяет сделать вывод, о том, что противоречивость судебной практики обусловлена особенностями природы морального вреда, который бывает сложно оценить объективно. Отсутствие единообразного подхода при определении размера компенсации морального вреда порождает среди истцов тенденцию по завышению суммы компенсации, а позиция суда сводится к уменьшению заявленной истцом суммы.

Следует обратить внимание, что по своей природе гражданский иск, поданный в рамках уголовного процесса, должен занимать не главенствующую роль в процессе и содержать только требования по существу разбирательства, поскольку сама процедура судебного разбирательства строится с учётом особенностей срока, выделенного на рассмотрение уголовного дела и меры пресечения в отношении подсудимого. Требования, относительно возмещения вреда, следует излагать таким образом, чтобы в дальнейшем у потерпевшего не возникло необходимости обращаться в суд в порядке гражданского судопроизводства.

Гражданский иск в уголовном судопроизводстве способствует осуществлению права на судебную защиту лиц, потерпевших имущественный и/или моральный вред, причинённый потерпевшему в связи с совершением преступления. К сожалению, на сегодняшний день гражданский иск, как способ возмещения вреда потерпевшему, не используется должным образом из-за пробелов в его правовой регламентации. Выделенные в исследовании некоторые спорные позиции могут быть устранены путем внесения корректировок, направленных на снижение уровня правовой неопределенности, вызванной спецификой гражданского иска.

При рассмотрении гражданских исков в рамках уголовного процесса и взыскании морального вреда, причиненного преступлением, спорным вопросом является размер компенсации, а также порядок распределения суммы возмещения морального вреда между несколькими потерпевшими. Решить проблему представляется возможным путём выработки единообразного подхода к определению размера морального вреда от преступлений, а также, установления критериев размера его исчисления, что позволило бы в большей мере гарантировать восстановление нарушенных прав граждан. Таким шагом могло бы стать разработка и принятие специального нормативного акта, регламентирующего особенности возмещения вреда, причиненного преступлением за счет средств самого правонарушителя (причинителя вреда) либо лиц, его представляющих, а также порядка и механизма возмещения вреда за счет государства в случае, если компенсация ущерба с причинителя вреда невозможна.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.03.2024) – Текст: электронный.
2. Прокудина, Л. А. Гражданский процесс: вопросы и ответы / Л. А. Прокудина. – Москва : Юриспруденция, 2008. – 224 с. // Сайт: Российская государственная библиотека. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/02000013405>. – Текст: электронный.
3. Бирюкова, Е. В. Гражданский иск в уголовном процессе, особенности правового регулирования // Юридический факт. – 2020. – № 117. – С. 20-22 / Сайт: elibrary.ru. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44305025>. – Текст: электронный.

4. Карабанова, Е. Н. Стимулирование обвиняемого к возмещению причиненного преступлением вреда: проблемы и перспективы // Российская юстиция. – 2016. – № 5. – С. 24–27 // Сайт: elibrary.ru. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26009615>. – Текст: электронный.
5. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2022 года // Сайт: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7069>
6. Конституция Донецкой Народной Республики от 14.05.2014 г. / Официальный сайт Народного Совета ДНР. – Режим доступа: <https://dnrsovetsu.ru> (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.
7. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. / Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.
8. Сенин, Н. Н. Возмещение вреда, причиненного преступлением, в уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.09 – Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность / Сенин Николай Николаевич. – Томск, 2004. – 25 с. – Текст : непосредственный.
9. Мазалов, А. Г. Гражданский иск в уголовном процессе / А. Г. Мазалов. – 2-е изд. – Москва : Юридическая литература, 2008. – 121 с. – Текст : непосредственный.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 22.12.1995 № 14-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» от 13.10.2020 № 23 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365020/ (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.
12. Краснокутский, В. А. Римское частное право / В. А. Краснокутский и др. под ред. И. Б. Новицкого и И.С. Краснокутского. – Москва : Кнорус, 2013. – 591 с. // Сайт: Российская государственная библиотека. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005504802>. – Текст: электронный.
13. Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3-х т. Т. 3. Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц / А. В. Габов, К. Д. Гасников, В. П. Емельянцева, Ю. Н. Кашеварова; отв. ред. А. В. Габов. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения

при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. – 280 с. // Сайт: Российская государственная библиотека. – URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01009460308_ – Текст: электронный.

14. Ягельницкий, А. А. Отклонения от принципа полного возмещения убытков, причиненных государством // Закон. – 2017. – № 10. – С. 64–72. – Текст : непосредственный.

15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28.02.2017 N 46-КГ16-32 // Легалакт : – URL: <https://legalacts.ru/> (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.

16. Кассационное определение ВС РФ от 21.09.2010 № 74-О10-29 // Кодекс : – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/678908107> (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.

17. Апелляционное постановление Московского городского суда от 10.07.2014 по делу № 10-7900 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/ae5e3652-6fce-47fd-8dd6-ea9f375bc090> (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.

18. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 01.03.2019 по делу № 22-1547/2019 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUR&n=189791#Z0q56YTULVDQoXm5> (дата обращения: 10.03.2024). – Текст: электронный.

19. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 14.12.2021 № 2646-О // Сайт : Гражданский кодекс Российской Федерации. – URL: <https://gkrfkod.ru/pract/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14122021-n-2646-o/> (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.

20. Фаст, И. О. О необходимости зафиксировать минимальный размер выплат на законодательном уровне // Ведомости : – URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/11/22/742608-otsenit-moralnii-vred> (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.

21. Решение Советского районного суда г. Н. Новгород по делу № 2-4882/2017 // Сайт: Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/i17ahsE50CWO/> (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.

22. Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2016 № 1171-О // Сайт: Легалакт. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-06062016-n-1171-o/> (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.

Поступила в редакцию 30.11.2023 г.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY A CRIME THROUGH CONSIDERATION BY COURTS OF A CIVIL CLAIM IN A CRIMINAL CASE

The article analyzes the problems of legal regulation of the institution of compensation for damage caused by a crime by filing a civil claim in criminal proceedings. Based on the analysis, a number of problems were identified in determining the subject composition of participants and in compensation for moral damage, and proposals were made to improve the current procedure for compensation for harm.

Keywords: harm, compensation, losses, compensation, claim.

Левендаренко Олег

Александрович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного
права и процесса ФГБОУ ВО
«Донецкий государственный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: o.levendarenko@donnu.ru

Levendarenko Oleg

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the
Department of Criminal Law and
Procedure of Donetsk State
University
DPR, Donetsk
E-mail: o.levendarenko@donnu.ru

Протасов Данил

Владимирович

Ассистент кафедры уголовного
права и процесса
ФГБОУ ВО «Донецкий
государственный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail:
protasov.criminal.law@mail.ru

Protasov Danil

Assistant of the Department of
Criminal Law and Procedure of
Donetsk State University
DPR, Donetsk
E-mail:
protasov.criminal.law@mail.ru

УДК 342.553

Поляков В. Ю.

ПРИНЦИПЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена исследованию системы принципов местного самоуправления. На основе анализа правовой природы местного самоуправления, статуса участников муниципальных правоотношений и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации уточнены перечень и содержание принципов местного самоуправления. Обоснован тезис том, что в рамках муниципальных правоотношений действуют, в том числе, принципы добросовестности и правовой определенности с целью обеспечения конституционных требований о балансе прав и законных интересов сторон в публичных правоотношениях.

Ключевые слова: принцип, местное самоуправление, законность, гласность, организационная обособленность, добросовестность, правовая определенность.

В стремительно меняющемся мире возрастает значение правовых принципов как инструментов, позволяющих адаптировать законодательство к новым реалиям и повышать его эффективность. Принципы, являясь особой категорией правовой материи, обладают уникальными характеристиками.

Конституционные принципы выделяются своей аксиоматичностью, выражающейся в формулировании фундаментальных правил и определении вектора правового развития. Презумптивность этих принципов обеспечивает стабильность правовой системы, обязывая правоприменителей исходить из соблюдения их положений всеми участниками правоотношений. «Догматическая фиктивность же обеспечивает гибкость интерпретации конституционных принципов, создавая необходимую нормативно-правовую базу» [1, с. 28]. Практическое применение правовых принципов в сфере муниципальных отношений требует комплексного подхода, основанного на тщательной

разработке их правовой природы, функций и критериев баланса частных и публичных интересов. Актуальность данного исследования обуславливается именно этой необходимостью.

Правовая природа и свойства принципов местного самоуправления освещены в работах С. А. Авакьяна, А. Ю. Бушева, С. А. Милосердова, С. А. Мосина, С. П. Поповой, Е. С. Шугриной и др. В то же время, содержанию, направлениям воздействия принципов местного самоуправления на муниципальные правоотношения, а также соотношению принципов муниципального права с принципами местного самоуправления уделено недостаточное внимание.

Цель исследования заключается в анализе правовой природы, содержания и перечня принципов местного самоуправления.

В основе муниципального права лежит система фундаментальных идей, определяющих его сущность и вектор развития. Эти идеи вытекают из юридической природы муниципальных правовых отношений, сочетающих в себе элементы как публичного, так и частного права [2]. Уникальность муниципального права заключается в его симбиозе власти и свободы, централизованного управления и самоуправления населения [3]. Необходимо разграничивать принципы муниципального права и принципы местного самоуправления. Принципы муниципального права представляют собой основополагающие идеи, определяющие содержание и характер муниципально-правовых норм. Они служат ориентиром для правотворческой и правоприменительной деятельности в сфере местного самоуправления.

Принципы местного самоуправления, в свою очередь, фокусируются на природе и сущности самоуправления на местах. Они отражают цели, задачи и методы организации и функционирования органов местного самоуправления, а также их взаимодействия с другими субъектами правоотношений. Таким образом, принципы муниципального права и принципы местного самоуправления, будучи взаимосвязанными, выполняют разные функции и имеют свою специфику.

В муниципальном праве существуют различные подходы к классификации его принципов. Анализ трудов ученых, занимавшихся данным вопросом, позволяет выделить три категории принципов местного самоуправления: общие, специфические и индивидуальные.

«Общие (основные, конституционные) – универсальные правила, регулирующие всю сферу местного самоуправления» [4]. Они

закреплены в Конституции РФ, федеральных законах и других нормативно-правовых актах, определяя базовые основы функционирования местной власти в России.

Специфические – принципы, относящиеся к конкретным отраслям или функциям местного самоуправления. Они детализируют общие принципы и учитывают особенности отдельных сфер деятельности органов местного самоуправления.

Индивидуальные (институциональные) – принципы, связанные с отдельными институтами местного самоуправления. Они регулируют работу конкретных органов или механизмов местной власти.

К общим принципам местного самоуправления относятся: создание местного самоуправления в интересах граждан (т.е. деятельность органов местной власти должна быть направлена на удовлетворение потребностей населения муниципального образования); независимость местного самоуправления и его взаимодействие с государственной властью (т.е. органы местного самоуправления имеют самостоятельную компетенцию и не подчиняются напрямую органам государственной власти); разнообразие организационных форм местного самоуправления (т.е. муниципалитеты самостоятельно выбирают наиболее подходящую для них форму организации власти; открытость местного самоуправления (т.е. информация о деятельности органов местной власти должна быть гласной и доступной для населения); уважение к правам и свободам человека и гражданина, законность в осуществлении местного самоуправления (т.е. органы местной власти обязаны действовать в рамках закона и не ущемлять права граждан); государственное обеспечение гарантий местного самоуправления (т.е. государство должно создавать условия для эффективного функционирования местной власти). «Помимо общих принципов, существуют и другие категории принципов местного самоуправления, которые имеют свои особенности» [5].

Создание местного самоуправления в интересах населения – это основополагающий принцип, отражающий суть местной власти как уровня публичной власти, максимально приближенного к людям. Деятельность органов местного самоуправления направлена на прямое удовлетворение потребностей, защиту прав и свобод граждан, проживающих на территории муниципального образования. Данный принцип закреплен в Конституции РФ (часть 3 статьи 132), он гласит, что органы местного самоуправления и органы государственной власти

входят в единую систему публичной власти и взаимодействуют для наиболее эффективного решения задач в интересах населения соответствующей территории.

Юридическое определение местного самоуправления, сформулированное в части 2 статьи 1 Федерального закона № 131-ФЗ, также подчеркивает его ориентированность на интересы населения. Реализация принципа создания местного самоуправления в интересах населения предполагает учет мнения населения (т.е. обеспечение участия граждан в процессе принятия решений, затрагивающих их жизненные интересы); прозрачность деятельности (т.е. открытость и доступность информации о деятельности органов местного самоуправления для населения); подотчетность (т.е. ответственность органов местного самоуправления перед населением за свою работу); эффективность (т.е. рациональное использование ресурсов и достижение поставленных целей при решении вопросов местного значения).

Соблюдение принципа создания местного самоуправления в интересах населения является залогом социального благополучия и обеспечения достойного уровня жизни граждан; экономического развития и создания условий для развития предпринимательства и повышения уровня жизни населения; укрепления демократии и вовлечения граждан в управление делами своего муниципального образования. Таким образом, принцип создания местного самоуправления в интересах населения является основополагающим для обеспечения эффективного и справедливого функционирования системы местного самоуправления в Российской Федерации.

Принцип создания местного самоуправления в интересах населения активно используется в практике Конституционного Суда РФ. Ярким примером служит Постановление КС РФ от 19.04.2021 № 14-П, где Суд рассматривал вопрос о допустимости размещения нестационарных торговых объектов (НТО) на придомовой территории многоквартирного дома.

КС РФ постановил, что меры, принимаемые органами местного самоуправления (ОМСУ) в отношении размещения НТО на такой территории, должны соответствовать ряду требований: обоснованность, пропорциональность, разумная дифференциация. Он также подчеркнул, что «такие меры не должны лишать размещение НТО экономического смысла, создавать условия для недобросовестной конкуренции и способствовать предоставлению незаконных преференций» [6]. Таким образом, Конституционный Суд РФ подтвердил, что принцип создания

местного самоуправления в интересах населения должен соблюдаться при принятии решений, касающихся размещения НТО на придомовой территории многоквартирных домов.

Принцип автономии местного самоуправления, закрепленный в статье 12 Конституции РФ, означает самостоятельность в пределах своих полномочий органов местного самоуправления, которые не входят в систему органов государственной власти и самостоятельно решают вопросы местного значения, распоряжаются муниципальным имуществом, управляют им, формируют и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы. В рамках своей компетенции органы местного самоуправления также обеспечивают доступность медицинской помощи в соответствии с федеральным законодательством. Важно отметить, что автономия местного самоуправления не означает полной независимости от государственной власти. Государство осуществляет контроль за деятельностью органов местного самоуправления, чтобы обеспечить соответствие их действий Конституции РФ и федеральным законам.

Реализация принципа независимости местного самоуправления играет важную роль в обеспечении демократических основ государственного строя РФ, позволяя гражданам непосредственно участвовать в управлении делами местного значения. «Организационная независимость органов местного самоуправления (ОМСУ) обеспечивает их самостоятельность в решении вопросов местного значения, отделяя их от системы органов государственной власти» [7]. Также не допускается взаимная подчиненность между муниципальными образованиями. При этом Должностные лица ОМСУ не являются государственными служащими. Таким образом, организационная независимость гарантирует ОМСУ реальную автономию и способствует реализации их полномочий.

Несмотря на предоставленную автономию, органы местного самоуправления (ОМСУ) не обладают абсолютной свободой действий. Согласно статье 131 (часть 1-1) Конституции Российской Федерации, федеральные власти могут участвовать в формировании ОМСУ, а также в назначении и увольнении их должностных лиц. Однако рамки и условия такого вмешательства четко регламентированы федеральным законодательством.

В соответствии со статьей 34 (часть 4) Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской

Федерации», вмешательство со стороны государственных органов и их должностных лиц в деятельность ОМСУ, включая назначение и увольнение должностных лиц, допускается лишь в строго оговоренных случаях и порядке. Следовательно, автономия ОМСУ не является абсолютной. Государство имеет право вмешиваться в их деятельность, но только в рамках установленных законом ограничений.

Законодательство предоставляет муниципалитетам право самостоятельно выбирать формы прямого (референдумы, собрания) и опосредованного участия граждан в управлении, а также определять структуру своих органов власти. Тем самым принцип вариативности муниципального устройства обеспечивает баланс между интересами государства и граждан, гарантируя им право на эффективное управление своим локальным сообществом.

Конституционный Суд РФ в Постановлении № 30-П от 1 декабря 2015 года подчеркнул, что принцип вариативности муниципального устройства позволяет законодателю гибко подходить к формированию системы местного самоуправления. Это означает, что с учетом региональных и местных особенностей, исторических традиций, а также специфики конкретных муниципалитетов, закон может предусматривать различные формы их организации.

Однако, как отметил Конституционный Суд, «свобода выбора из предложенных вариантов не является абсолютной» [8]. Она может быть ограничена требованиями закона, если это необходимо для обеспечения эффективного функционирования местного самоуправления в конкретных условиях. Следовательно, законодатель должен найти баланс между вариативностью и единообразием системы местного самоуправления, учитывая как общие принципы, так и специфические особенности разных муниципалитетов.

Принцип открытости местного самоуправления гарантирует жителям муниципалитета беспрепятственный доступ к информации о деятельности своих органов власти. Таким образом, принцип вариативности муниципального устройства обеспечивает баланс между интересами государства и граждан, гарантируя им право на эффективное управление своим локальным сообществом, основанное на принципах открытости и подотчетности.

Законность является краеугольным камнем всей системы государственного управления в России, включая местное самоуправление. Соблюдение конституционных норм – это не просто

формальность, а жизненно важный фактор для существования и развития нашей страны как демократического, федеративного, правового государства с республиканской формой правления. В основе принципа законности лежит верховенство Конституции РФ и федеральных законов на всей территории страны. Конституция обладает высшим юридическим авторитетом и напрямую действует на всей территории РФ. Все принимаемые законы и другие правовые акты должны строго соответствовать положениям Конституции.

Каждый обязан уважать и следовать Конституции и законам РФ. Это основа правового государства, залог справедливости, порядка и процветания нашей страны. В целом, система местного самоуправления в России направлена на то, чтобы обеспечить максимально эффективное управление делами местного значения и создать условия для реализации прав и законных интересов граждан.

Принципы местного самоуправления, закрепленные в Конституции РФ и федеральных законах, служат не просто декларативными положениями, но и действенными правовыми ориентирами для судов при рассмотрении споров, связанных с деятельностью органов местного самоуправления. Суды, опираясь на эти принципы, обязаны: обеспечивать законность и справедливость при рассмотрении дел; строго следовать букве и духу действующего законодательства; учитывать все обстоятельства дела, представленные доказательства и доводы сторон; выносить обоснованные и мотивированные решения, защищающие права и законные интересы граждан.

Помимо общих принципов местного самоуправления, суды также руководствуются принципом правовой определенности. Этот принцип означает, что закон должен быть понятным, доступным и недвусмысленным; правовые нормы должны применяться единообразно и последовательно, а граждане должны иметь возможность предвидеть последствия своих действий и правоотношений.

Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал особую роль принципа правовой определенности в сфере местного самоуправления. В Постановлении от 22 июня 2017 года № 16-П КС РФ указал, что «органы местного самоуправления не должны своими действиями, игнорирующими требования разумности и осмотрительности, ущемлять имущественные и неимущественные права граждан» [9].

В Постановлении от 9 ноября 2022 года КС РФ, опираясь на принцип стабильности правового регулирования и поддержания доверия

к закону и публичной власти, также подчеркнул «недопустимость самостоятельной отмены органом местного самоуправления разрешения на ввод в эксплуатацию объекта индивидуального жилищного строительства после государственной регистрации права собственности на него» [10].

Таким образом, принципы местного самоуправления и принцип правовой определенности, действуя в совокупности, обеспечивают стабильность правового регулирования в сфере местного самоуправления, предсказуемость действий органов местного самоуправления, защиту прав и законных интересов граждан, повышение уровня доверия к закону и публичной власти. Соблюдение этих принципов является залогом эффективного функционирования системы местного самоуправления в Российской Федерации и реализации прав граждан на участие в управлении делами своего муниципалитета.

Анализ практики Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ позволяет сделать вывод о применении принципа добросовестности в сфере муниципальных отношений. Это означает, что «органы местного самоуправления должны действовать не только в соответствии с законом, но и добросовестно» [11]. Они должны учитывать интересы всех участников муниципальных правоотношений и принимать решения, которые не ущемляют права и законные интересы граждан.

Суды все чаще отказываются от формального подхода к рассмотрению дел, связанных с деятельностью органов местного самоуправления. Они требуют от органов местного самоуправления взаимодействовать с гражданами и другими участниками муниципальных правоотношений, оказывать им поддержку и помощь в реализации их законных интересов, принимая решения, основанные на тщательном и всестороннем анализе всех обстоятельств дела.

Такой подход соответствует позиции Конституционного Суда РФ, который в Постановлении от 28.12.2022 № 59-П указал, что «органы местного самоуправления, как более сильная сторона правоотношений, должны действовать с повышенной степенью заботливости и осмотрительности» [12]. Важно отметить, что принцип добросовестности не означает, что органы местного самоуправления имеют право действовать произвольно. Они по-прежнему обязаны соблюдать закон, однако при принятии решений они должны учитывать не только букву закона, но и его дух и стремиться к тому, чтобы их решения были справедливыми и обоснованными.

Таким образом, к принципам местного самоуправления относятся:

- 1) организация местного самоуправления в интересах населения;
- 2) самостоятельность местного самоуправления и его взаимодействие с государственной властью;
- 3) многообразие организационных форм местного самоуправления;
- 4) гласность местного самоуправления;
- 5) соблюдение прав и свобод человека и гражданина, законность в осуществлении местного самоуправления;
- 6) государственная гарантированность местного самоуправления;
- 7) принцип правовой определенности;
- 8) добросовестность участников правоотношений в сфере местного самоуправления.

Список источников

1. Мосин, С. А. Свойства конституционного принципа добросовестности субъектов правоотношений / С. А. Мосин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 16. – № 1. – С. 27-45.
2. Милосердов, С. А. Принципы муниципального права и принципы организации местного самоуправления: проблемы разграничения // Образование и право. – 2016. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-munitsipalnogo-prava-i-printsipy-organizatsii-mestnogo-samoupravleniya-problemy-razgranicheniya> (дата обращения: 09.02.2024). – Загл. с экрана.
3. Корсакова, С. В. Публичные и частные начала в муниципальном праве / С. В. Корсакова // Социально-политические науки. – 2017. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnye-i-chastnye-nachala-v-munitsipalnom-prave> (дата обращения: 08.05.2024). – Загл. с экрана.
4. Попова, С. П. Принципы местного самоуправления: природа и значение в организации и защите прав муниципальных образований // Социально-политические науки. – 2018. – № 3. – С. 45-48.
5. Муниципальное право России: учебник (отв. ред. С. А. Авакьян). – М.: Проспект, 2023 г. – 656 с.
6. По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, части 7 статьи 10 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», а также абзаца двадцать второго части 1 статьи 2, пункта 25 части 1 статьи 16 и пункта 3 части 2 статьи 45.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Г.С. Дадашова, И. Н. Касимова и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2021 № 14-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<http://>

www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382396/ (дата обращения: 21.04.2024).

7. По делу о проверке конституционности части 3 статьи 40 и пункта 6 части 1 статьи 44 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также пункта 2 статьи 27 Закона Санкт-Петербурга «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге» в связи с жалобой граждан А. А. Афиногенова, В. А. Вольского и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.2021 N 50-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_401209/ (дата обращения: 12.05.2024).

8. По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 51 статьи 35, частей 2 и 31 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 11 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. № 30-П» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://rg.ru/documents/2015/12/14/ksrf-dok.html>. (дата обращения: 22.05.2024).

9. По делу о проверке конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» в связи с жалобой гражданина С. В. Иванова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2016 года N 1-П. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192576. (дата обращения: 22.05.2024).

10. По делу о проверке конституционности абзаца первого части 1 статьи 48 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой граждан Ю. А. Плахтеевой, А. Ю. Савушкиной и А. Ю. Яковлевой: Постановление КС РФ от 9 ноября 2022 г. № 48-П. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430931/. (дата обращения: 22.05.2024).

11. Бушев А.Ю. Принцип добросовестности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: к юбилею Гадиса Абдуллаевича Гаджиева / А. Ю. Бушев // Закон. – 2023. – № 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.ru/publication/igzakon/10480/> (дата обращения: 11.05.2024). – Загл. с экрана.

12. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 19, статьи 21 Федерального закона «О почтовой связи» и пункта 2 статьи 62 Федерального закона «О связи» в связи с жалобой гражданина М. Д. Малинина: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.12.2022 № 59-П. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202212290010/> (дата обращения: 08.05.2024). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 30.11.2023 г.

PRINCIPLES OF LOCAL GOVERNMENT

The article is devoted to the study of the system of principles of local self-government. Based on an analysis of the legal nature of local self-government, the status of participants in municipal legal relations and the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the list and content of the principles of local self-government have been clarified. The thesis is substantiated that within the framework of municipal legal relations, the principles of good faith and legal certainty operate, among other things, in order to ensure constitutional requirements for the balance of rights and legitimate interests of the parties in public legal relations.

Keywords: principle, local self-government, legality, publicity, organizational isolation, integrity, legal certainty.

Поляков Виталий Юрьевич
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры
конституционного и
международного права
ФГБОУ ВО «Донецкий
государственный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: pkvitaliy@inbox.ru

Polyakov Vitaliy
PhD in Law, Associate Professor
of the Department of
Constitutional and International
Law of Donetsk State University
DPR, Donetsk
E-mail: pkvitaliy@inbox.ru

УДК 342

Полякова Н. Г.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Статья посвящена исследованию особенностей конституционного принципа добросовестности в публичных правоотношениях. На основе анализа содержания принципа добросовестности, правового положения участников публичных правоотношений и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации обоснована целесообразность прямой правовой регламентации указанного принципа.

Ключевые слова: добросовестность, конституционный принцип, органы публичной власти, правовая регламентация, критерии.

Принцип добросовестности, являясь общеправовым по своей сути, применяется на сегодняшний день как в сфере частного права, в правоотношениях между равными субъектами права, так и в публичных правоотношениях, в том числе муниципальных. Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) в постановлении от 28 декабря 2022 г. N 59-П указал на необходимость распространения принципа добросовестности на деятельность органов публичной власти [1]. В то же время, на сегодняшний день недостаточно разработанными на доктринальном уровне остаются содержание и особенности применения принципа добросовестности в сфере публичного права, что обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Исследованию сущности и свойств конституционного принципа добросовестности посвящены работы А. Ю. Бушева, Г. А. Гаджиева, Д. В. Дождева, С. А. Мосина, М. А. Полякова и др. Гражданско-правовые аспекты принципа добросовестности рассмотрены в исследованиях Е. В. Богдановой, В. В. Витрянского, Т. Ю. Дроздовой, К. В. Нама и др. При этом, вопрос об особенностях принципа добросовестности в

© Полякова Н. Г., 2023

публичных правоотношениях, а также целесообразности его прямой законодательной регламентации остается дискуссионным, что обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Цель исследования заключается в анализе особенностей принципа добросовестности в публичных правоотношениях, а также обосновании целесообразности прямой законодательной регламентации данного принципа.

Традиционно в отечественной правовой науке принцип добросовестности применяется в рамках гражданского права, однако в последнее время, во многом благодаря правоприменительной практике, наметилась тенденция к реализации его в рамках публичных правоотношений. Принцип добросовестности является правовым инструментом, позволяющим обеспечить единство духа и буквы закона, достижение целей правового регулирования, а также справедливый баланс интересов сторон в правоотношении. Будучи вариативным по своей сути, принцип добросовестности также способствует гибкости правового регулирования в условиях изменяющихся отношений.

В качестве конституционно-правовой основы принципа добросовестности в научной литературе предлагается рассматривать ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, которая закрепляет, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Соглашаясь с тем, что данное положение постулирует принцип добросовестного осуществления прав и свобод человеком и гражданином, оно вряд ли может рассматриваться как содержащее аналогичное требование к органам публичной власти. В то же время, в соответствии с положениями ст. 18 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Думается, что указанная формулировка позволяет экстраполировать действие принципа добросовестности на сферу публичных правоотношений.

После принятия поправок к Конституции Российской Федерации в качестве правовой основы принципа добросовестности рассматриваются нормы Преамбулы и ст. 75.1, в частности, положения о взаимном доверии государства и общества, вере в добро и справедливость. Как указывает А. Ю. Бушев, «положения ... ст. 75.1

являются дополнительным конституционным подтверждением распространения принципа добросовестности на все сферы деятельности как частных лиц, так и публичной власти, включая отношения между ними, ориентируя на сотрудничество, взаимное уважение, проявление добра, честности и справедливости во имя общего блага» [2]. Соглашаясь с указанной позицией, следует отметить целесообразность четкой законодательной регламентации указанного принципа.

Думается, что прямая фиксация принципа добросовестности в законодательстве имеет важное практическое значение и позволит повысить его эффективность в сфере правоприменения. Как справедливо отмечает Т. Л. Курас, «отсутствие в законе сформулированного принципа делает неясным его содержание, обуславливает сложности с его применением. Поэтому принципы отрасли права должны иметь ясное название и четкую формулировку. Одно из назначений принципов состоит в том, что при наличии пробелов в праве суд применяет нормы-принципы и на их основании разрешает соответствующий вопрос. Лица, участвующие в деле, должны иметь возможность сослаться на принцип в обоснование своей позиции» [3].

При этом, как справедливо указывает А. Ю. Бушев, дискуссия о правовой регламентации принципов, как конституционных, так и отраслевых, предполагает разрешение следующих вопросов: 1) приемлемый уровень правовой определенности; 2) ясное текстуальное изложение и восприятие адресатами нормы как справедливой; 3) необходимость договориться о распределении полномочий среди различных ветвей публичной власти и ответить на вопрос, может ли судья, и если да, то в какой степени, отходить от буквы закона, выявляя его смысл (в том числе, применяя правовые принципы) [2]. Соглашаясь с приведенными позициями, можно отметить следующее.

Правовая определенность предполагает формулирование принципа добросовестности таким образом, чтобы последствия выбора той или иной модели поведения были очевидны и предсказуемы для субъекта. В то же время, правовым принципам как особой разновидности правовой материи присущи такие свойства как абстрактность и обобщенность, обеспечивающие гибкость и адаптивность данных инструментов правового регулирования в условиях изменяющейся правовой действительности. При этом, принципы, наполняясь новым

содержанием, обеспечивают стабильность правоотношений. Следует отметить, что правовая определенность при формулировании принципов зависит не только и не столько от качества юридической техники, но в значительной степени от практики применения их судебными органами. Учитывая изложенное, достижению приемлемого уровня определенности также может способствовать доктринальная и правоприменительная разработка критериев добросовестности в публичных правоотношениях. Так, С. А. Мосин, анализируя конституционный принцип добросовестности в сфере законотворчества, предлагает выделять следующие критерии добросовестности законодателя: 1) соразмерность, адекватность и пропорциональность используемых правовых средств; 2) определенность, ясность, недвусмысленность правовой нормы; 3) согласованность правовой нормы с системой действующего правового регулирования; 4) отсутствие искусственного затягивания законодательного процесса, стремление к ускоренному рассмотрению законов [4, с. 42].

В сфере муниципальных правоотношений критериями добросовестности органов и должностных лиц местного самоуправления могут выступать; 1) соблюдение положений Конституции и законодательства; 2) исключение злоупотреблений; 3) обязанность учитывать права и интересы другой стороны правоотношения и осуществлять свои полномочия таким образом, чтобы последняя не страдала или не страдала чрезмерно по сравнению с ущербом, причиняемым публичным интересам; 4) обязанность учитывать цель, с которой стороны вступают в правоотношения и содействовать в ее достижении доступными способами; 5) добровольное выполнение дополнительных обязанностей для избежания возникновения возможных убытков; 6) инициативный подход. Представляется, что разработка критериев добросовестности в публичных правоотношениях может способствовать правовой определенности и предсказуемости, а также реализации регулирующего потенциала данного принципа.

Восприятие нормы как справедливой предполагает учет иных социальных регуляторов, в том числе, норм морали, а также сбалансированность издержек и выгод сторон с учетом их правового положения. Как справедливо указывает О. Е. Землянов, «публично-правовое регулирование по общему правилу реализуется в системе

общественных отношений, участником которых является публичный субъект, реализующий свою компетенцию и выступающий именно как носитель власти, как субъект юридически неравноправный по отношению к своему контрагенту» [5, с. 19].

Таким образом, для публичных правоотношений, одной из сторон которых выступает орган публичной власти, характерно неравное положение субъектов, различия в их квалификации и экономической силе. Как указывает А. Ю. Бушев, публичная власть в отношениях с частными лицами является более сильной стороной, которая «вследствие разных обстоятельств имеет больше возможности влиять на динамику правового взаимодействия между вовлеченными лицами» [2].

С этой точки зрения, исходя из представлений о справедливости, в публичных правоотношениях принцип добросовестности должен выполнять компенсационную функцию, заключающуюся в защите заведомо более слабой стороны (физического лица, субъекта хозяйствования и т.д.) с целью обеспечения конституционных требований о балансе прав и законных интересов сторон в правоотношениях. Указанное соотносится также с позицией КС РФ, изложенной в постановлении от 28.12.2022 № 59-П, согласно которой «деятельность субъектов, выступающих в интересах публичной власти и при этом являющихся более сильной стороной правоотношений в силу предоставляемых особым статусом публичной организации возможностей, подчинена на всех этапах динамики соответствующего обязательства повышенному стандарту тщательности, заботливости и осмотрительности» [1].

Следует отметить, что в данном деле КС РФ рассматривал спор между АО «Почта России», являющимся частноправовой организацией, созданной публичной властью с целью выполнения общественно значимых функций, и физическим лицом. Не взирая на то, что АО «Почта России» не является органом публичной власти, КС отметил, что при взаимодействии в процессе осуществления его уставной деятельности с гражданами и юридическими лицами, применим повышенный стандарт добросовестности и осмотрительности. Это, в частности, не предполагает формального подхода к соблюдению требований действующего законодательства, чрезмерной приверженности таким процедурным положениям, которые умаляют существо соответствующего основанного на договоре материального права. Таким образом, КС РФ фактически указал на необходимость

применения права с учетом требования о соответствии духа и буквы закона, а также учета интересов более слабой стороны правоотношения и ее цели вступления в такие отношения. Думается, что такое понимание принципа добросовестности может быть экстраполировано на правоотношения, возникающие между физическими и юридическими лицами и органами публичной власти с целью обеспечения баланса интересов сторон.

Что касается вопроса о распределении полномочий и пределах усмотрения органов публичной власти при применении принципа добросовестности, можно отметить следующее. Принцип добросовестности является правовым инструментом, позволяющим обеспечить единство духа и буквы закона, достижение целей правового регулирования, а также справедливый баланс интересов сторон в правоотношении. При этом, анализ практики Конституционного и Верховного судов Российской Федерации позволяет прийти к выводу о том, что принцип добросовестности также позволяет скорректировать формальное правоприменение в случае неадекватности его правовых последствий. Так, оценивая правомерность решений и действий органов публичной власти, суды последовательно указывают на недопустимость формального подхода к оценке законности со стороны должностных лиц, не учитывающего фактических обстоятельств дела. В частности, в соответствии с п. 28 Обзора судебной практики ВС РФ № 2 (2023), «при реализации государственных или иных публичных полномочий наделенные ими органы и лица связаны законом, при этом следует иметь в виду, что законность оспариваемых решений, действий (бездействия) нельзя рассматривать лишь как формальное соответствие требованиям правовых норм. В связи с этим необходимо проверять, исполнена ли органом или лицом, наделенным публичными полномочиями ... обязанность по полной и всесторонней оценке фактических обстоятельств, поддержанию доверия граждан и их объединений к закону и действиям государства, учету требований соразмерности (пропорциональности)» [6]. Думается, что указанные ВС условия представляют собой требование по соблюдению органами и должностными лицами, наделенными публичными полномочиями, принципа добросовестности.

Отметим, что указанная правовая позиция была сформулирована судом при рассмотрении спора органа местного самоуправления и собственника индивидуального жилого дома о законности планируемой

реконструкции. Несмотря на формальное несоответствие планируемых изменений требованиям Правил землепользования и застройки муниципального образования и предельным параметрам разрешенного строительства, ВС РФ удовлетворил исковое заявление собственника, учитывая наличие частного сервитута в отношении земельного участка, согласие на реконструкцию смежного землепользователя, а также невозможность реконструкции индивидуального жилого дома иными способами. ВС указал, что, руководствуясь исключительно положениями законодательства, в данном случае «орган местного самоуправления не провел полную и всестороннюю оценку фактических обстоятельств, в связи с чем оспариваемый правовой акт, по существу, носит произвольный характер» [6]. Аналогичная правовая позиция выражена в п. 29 указанного Обзора: «законность оспариваемых решений, действий (бездействия) нельзя рассматривать лишь как формальное соответствие требованиям правовых норм» [6].

Таким образом, в соответствии с принципом добросовестности, органы государственной власти и местного самоуправления должны реализовывать свои полномочия таким образом и способом, чтобы публичные интересы и интересы другой стороны правоотношения были удовлетворены в наибольшей мере.

В случае возникновения противоречия между частными и публичными интересами целесообразно оценивать их значимость, а также соотношение причиненного и предотвращенного вреда. Такой подход позволит избегать формализма в принятии решений, обеспечить соответствие буквы закона его духу. Иными словами, органам публичной власти следует осуществлять принадлежащие им субъективные права и исполнять свои обязанности таким образом и способом, чтобы другая сторона правоотношения не страдала или не страдала чрезмерно по сравнению с ущербом, который может быть причинен публичным интересом.

При этом, представляется, что прямое законодательное закрепление принципа добросовестности может способствовать защите, в том числе, органов и должностных лиц публичной власти, поскольку расширит спектр их возможностей действовать в рамках закона, даст им возможность ссылаться на норму закона о добросовестности при обосновании своей позиции. Так, на сегодняшний день, органы и должностные лица, наделенные публичными полномочиями, реализуя специальную

правосубъектность, принимают решения на основе действующих формально закрепленных правовых норм даже в случаях очевидной нецелесообразности следования формальным предписаниям. При этом, высшие судебные органы требуют от органов и должностных лиц, наделенных публичными полномочиями, не формального следования требованиям правовых норм, а «полной и всесторонней оценки фактических обстоятельств, поддержания доверия граждан и их объединений к закону и действиям государства, учета требований соразмерности (пропорциональности)» под угрозой признания решений и действий указанных органов произвольными. Таким образом, возникает противоречие, которое в условиях отсутствия прямой законодательной регламентации принципа добросовестности разрешается органами публичной власти в пользу формальных требований нормативно-правовых актов. Что касается судебных органов, то на сегодняшний день принцип добросовестности в публичных правоотношениях применяют преимущественно Конституционный Суд и Верховный Суд Российской Федерации, в то время как иные суды с осторожностью относятся к данной правовой материи. С указанной точки зрения оправданным представляется предложение С. А. Авакьяна о целесообразности повсеместного введения конституционного правосудия как системы оценки актов и действий органов законодательной власти и исполнительной власти субъектов РФ, местных органов власти [7, с. 17]. Думается, что указанные меры, наряду с прямой правовой регламентацией принципа добросовестности в сфере публичных правоотношений могут способствовать расширению сферы его применения и реализации регулирующего потенциала.

В правовой науке высказывались точки зрения о нецелесообразности нормативного закрепления правовых принципов. В то же время, по справедливому утверждению С. А. Мосина, «очевидно, что придание моральным нормам формальной определенности является необходимым условием их правовой реализации, несмотря на то что такая трансформация может отразить не все аспекты такой нормы». При этом, представляется, что в публичных отраслях права прямая фиксация принципа в законодательстве имеет важное практическое значение. В таких условиях нормативное закрепление принципа добросовестности в публичном праве представляется оправданным и логичным. Следует

отметить, что федеральные законы «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», регламентирующие принципы деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти в соответствующих сферах публичных правоотношений, не содержат прямого указания на принцип добросовестности. Принцип презумпции добросовестности деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов, осуществляющих отдельные публичные полномочия закреплен в ч. 10 ст. 6 закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Следует, однако, отметить, что действие указанного закона ограничивается сферой организации и осуществления общественного контроля за деятельностью органов публичной власти. Кроме того, закрепление принципа добросовестности и презумпции добросовестности органов публичной власти имеет различные правовые последствия и целевую направленность. Так, презюмирование добросовестности органов публичной власти фактически перекладывает бремя доказывания недобросовестности должностных лиц на другую сторону правоотношения, тогда как принцип добросовестности в сфере публичных правоотношений требует от их участников взаимного учета интересов, целей вступления в правоотношения и оказания содействия в их достижении.

С целью реализации изложенного предлагается дополнить перечень принципов деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, закрепленный в ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» пунктом 14 следующего содержания: «14) добросовестность при осуществлении органами публичной власти своих полномочий». При этом, очевидно, что для эффективного применения принципа добросовестности в сфере публичной власти одного законодательного закрепления указанной категории недостаточно. В то же время, такое закрепление, сопряженное с применением данного принципа судебными органами, глубокой практико-ориентированной доктринальной разработкой и системной

разъяснительной работой среди должностных лиц, наделенных публичными полномочиями, позволит избежать формального подхода к их осуществлению.

Список источников

1. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 19, статьи 21 Федерального закона «О почтовой связи» и пункта 2 статьи 62 Федерального закона «О связи» в связи с жалобой гражданина М. Д. Малинина: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.12.2022 № 59-П / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202212290010/> (дата обращения: 08.02.2024). – Загл. с экрана.
2. Бушев А.Ю. Принцип добросовестности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: к юбилею Гадиса Абдуллаевича Гаджиева / А. Ю. Бушев // Закон. 2023. № 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.ru/publication/igzakon/10480/> (дата обращения: 11.02.2024). – Загл. с экрана.
3. Курас Т. Л. Принцип диспозитивности в российском гражданском процессе: современные и исторические аспекты / Т. Л. Курас // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3(48). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-dispozitivnosti-v-rossiyskom-grazhdanskom-protsesse-sovremennye-i-istoricheskie-aspekty/> (дата обращения: 09.03.2024). – Загл. с экрана/
4. Мосин С.А. Свойства конституционного принципа добросовестности субъектов правоотношений / С. А. Мосин // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 1. С. 27-45.
5. Землянов О.Е. Публично-правовое регулирование: проблемы теории и практики: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / О. Е. Землянов; Самарский гос. эконом. университет. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2011. 31 с.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023): Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19 июля 2023 г. / Сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vsrf.ru/documents/practice/32658/> (дата обращения: 09.03.2024). – Загл. с экрана/.
7. Авакьян С. А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 1. С. 3-21.

Поступила в редакцию 30.11.2023 г.

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF THE PRINCIPLE OF INTEGRITY IN PUBLIC LEGAL RELATIONS

The article is devoted to the study of the features of the constitutional principle of good faith in public legal relations. Based on an analysis of the content of the principle of good faith, the legal status of participants in public legal relations and the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the expediency of direct legal regulation of this principle is substantiated.

Keywords: integrity, constitutional principle, public authorities, legal regulation, criteria.

**Полякова Наталья
Геннадьевна**
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры
конституционного и
международного права
юридического факультета
ФГБОУ ВО «Донецкий
государственный университет»,
ДНР, г. Донецк
E-mail: ngpoliakova@inbox.ru

Polyakova Natalya
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the
Department of Constitutional and
International Law, Faculty of Law
of Donetsk State University
DPR, Donetsk
E-mail: ngpoliakova@inbox.ru

УДК 316

Ренжигло Р. Е.

ВЛИЯНИЕ ДЕСТРУКТИВНОГО ИНТЕРНЕТ-КОНТЕНТА НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ВЗГЛЯДОВ У МОЛОДЕЖИ

В современном мире интернет играет огромную роль в жизни молодых людей, предоставляя им доступ к огромному объему информации и разнообразному контенту. Однако, помимо положительных сторон, интернет также используется для распространения материалов, пропагандирующих экстремистские и радикальные идеологии. В данной статье будет рассмотрено влияние деструктивного интернет-контента на формирование экстремистских взглядов среди молодежи.

Ключевые слова: интернет; молодежь; экстремизм; деструктивный контент.

Актуальность данной темы заключается в том, что с развитием интернета и социальных сетей молодежь сталкивается с огромным объемом информации, включая деструктивный интернет-контент, который может оказывать негативное влияние на их мировоззрение и ценностные установки. В связи с этим возрастает риск формирования экстремистских взглядов среди молодежи, что может привести к серьезным социальным и политическим последствиям. Таким образом, изучение влияния деструктивного интернет-контента на молодежь имеет большое значение для понимания и преодоления этой проблемы.

Определить понятие «деструктивный интернет-контент» и провести анализ его основных источников, включая социальные сети, форумы, сайты. Кроме этого, также изучить механизмы распространения деструктивного интернет-контента среди молодежи, оценить степень его воздействия на формирование экстремистских взглядов у молодежи, установить причины вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность, выработать рекомендации по ограничению влияния

деструктивного интернет-контента на формирования экстремистских взглядов у молодежи.

Анализ различных точек зрения вызывает дискуссии при определении толкования понятия «деструктивный интернет-контент», а также степени его влияния на формирование экстремистских взглядов у молодежи. Также вызывает дискуссию вопросы, касающиеся того, что необходимо предпринять для ограничения влияния деструктивного интернет-контента на формирование экстремистских взглядов у молодежи.

Сегодня информационно-телекоммуникационное пространство достигло невероятных масштабов, и мы уже не можем представить свою жизнь без него. Оно плотно вошло в нашу повседневность, что даже компенсирует отсутствие общения в реальном мире. С одной стороны, это огромный плюс, так как интернет предоставляет нам бесконечные возможности: мы можем отвлечься от проблем с помощью развлекательного и образовательного контента, найти единомышленников и друзей, которые находятся вдали от нас. Однако, с другой стороны, распространение деструктивного контента в интернете представляет серьезную опасность, особенно для детей и подростков.

Согласно словарю иностранных слов, деструктивный (от фр. Destructif, лат. Destructio) означает разрушительный, губительный, неплодотворный, неэффективный [8].

В соответствии с толковым словарем, контент (от англ. content) означает содержание книги, статьи, пьесы, сайта [2].

Деструктивный интернет-контент – это контент, который может нанести вред психическому или физическому здоровью человека, а также способствовать распространению негативных и деструктивных идей. Это могут быть материалы, содержащие насилие, порнографию, радикальные взгляды, а также информацию о самоповреждении, наркомании и других опасных практиках. Деструктивный интернет-контент может оказывать вредное воздействие на психику людей, особенно на детей и подростков, формируя негативные установки и поведенческие модели. Кроме того, такой контент может стимулировать агрессию, зависимости и другие негативные явления.

Наиболее опасный для молодежи представляет собой деструктивный интернет-контент, содержащий экстремистские взгляды. Экстремизм представляет серьезную угрозу для внутренней

безопасности и единства страны [5]. Это опасное явление, которое может привести к террористической деятельности, являющейся крайней формой экстремизма. Экстремизм (от лат. *Extremus* – крайний) означает склонность, приверженность к крайним взглядам и мерам [6].

Деструктивный интернет-контент содержащий экстремистские взгляды – это информация, материалы, которые содержат агитацию, пропаганду, идеологию, призывающую к ненависти, насилию, дискриминации и разжиганию межнациональной розни. Эти сообщения содержат призывы к насилию, унижению и дискриминации определенных национальностей, вероисповеданий и социальных групп. Они даже могут включать унижительные сравнения с животными, оскорбления значимых исторических событий, национальных и религиозных символов. Любая социальная группа, будь то мужчины, женщины, медики, полицейские, представители местной власти, строители, может стать объектом направленной на разжигание ненависти и критики.

Сам по себе деструктивный интернет-контент может включать в себя видео, статьи, изображения, аудиозаписи, сообщения в социальных сетях и другие онлайн-материалы, которые могут быть использованы для распространения экстремистских идей среди молодежи. Такой контент может влиять на молодых людей, формируя у них негативные стереотипы, предрассудки и агрессивное поведение, оказывать негативное влияние на уязвимые группы людей, особенно на тех, кто ищет свое место в обществе или испытывает социальное недовольство. Основная угроза информационного воздействия заключается в том, что существуют технологии, которые могут воздействовать на человека через звук и изображения, внушая определенные убеждения, обходя его разум. Эти технологии широко используются современными информационными источниками. Часто происходит манипуляция данными, например, выбор определенной последовательности событий, скрытие некоторых фактов и точек зрения, а также неадекватное акцентирование внимания.

По словам главы Следственного комитета (СК) РФ Александра Бастрыкина, в настоящее время есть тенденция роста экстремистских преступлений, которая совершается молодежью, в поступках несовершеннолетних выражается жестокость и желание унижить жертву [1].

Причина привлечения в ряды экстремистских организаций несовершеннолетних лиц обусловлена тем, что данные лица не только

легче поддаются идеологическому и психологическому воздействию, но и при определенных обстоятельствах не подлежат уголовной ответственности.

Психика и ум молодых людей находятся на критической стадии формирования системы ценностей, поэтому они более зависимы от мнения окружающих, особенно тех, кому они подражают или с кем стараются ассоциироваться. В результате, они испытывают большие трудности при переживании негативного отношения к себе, проявляют меньше сочувствия к позиции других и не в состоянии представить себя на месте другого. В таком состоянии они часто проявляют жестокость и беспощадность в своих поступках. Злоумышленники активно используют это явление. Они пропагандируют экстремистские идеи, создавая различия между людьми, чтобы отделить «своих» от «чужих», играют на настроении людей, их особенных качествах, таких как любопытство, максимализм, поиск «своей группы», бунтарстве, самоопределении по схеме «мы-они». Таким образом, у них удается сформировать образ врага как источника различных угроз для «наших» представителей. Это используется для оправдания необходимости радикальных, то есть насильственных действий по отношению к «чужим».

Обычно люди, попавшие под влияние таких организаций, замкнуты и не довольны своей жизнью, но были случаи, когда в сети экстремистских организаций попадали люди, от которых и не ждали такой беды. Экстремисты предлагают им лучшую жизнь, материальное благополучие, создание семьи и равенства между людьми, для этого необходимо лишь вступить в ряды такой организации.

Часто общение начинается через социальные сети или мессенджеры, когда молодой человек начинает общаться с приятным незнакомцем, который проявляет к нему интерес и понимание. В течение короткого промежутка времени этот человек становится лучшим приятелем своей жертвы и начинает предлагать быстрые способы к успеху, обещая деньги, признание, любовь друзей, освобождение от неприятностей и облегчение душевных страданий. Манипулятор создает эффект психологической зависимости, внушая чувство безопасности, психологического комфорта, иллюзии «понимания» и удовлетворения. В результате жертва уже не может отказать хорошим людям в различных просьбах, которые со временем становятся противозаконными [3].

В последнее время число экстремистов неуклонно растет, их очень много среди молодежи. Согласно данным официального сайта Росфинмониторинга, в перечне организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму в настоящее время 14797 человек и 553 организации. Самый молодой из них – это 14 летний Лаускис Егор, осужденный за поджог релейного шкафа на железной дороге [4].

Чаще всего экстремистские организации ведут свою деятельность через социальные сети, такие как Вконтакте, Instagram, Facebook, Twitter, а также мессенджеры WhatsApp, Viber, Telegram, так как данные социальные сети и мессенджеры очень популярны среди населения, особенно среди молодежи.

Согласно ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», государственными органами удаляется интернет-контент, который содержит призывы к экстремисткой деятельности и ограничивается доступ к соответствующим информационным ресурсам, пропагандирующим насилие и ненависть к определенным гражданам, государству [6]. Однако экстремистские организации находят иные способы для своей деятельности, обходные пути. В настоящее время это телеграм каналы и сайты, хостинг которых находится за рубежом. На данные запрещенные сайты пользователи попадают через VPN (Virtual Private Network) – частную сеть, которая создает зашифрованное подключение между компьютерами и серверами.

По нашему мнению, противодействие распространению экстремисткой идеологии и взглядов через интернет, это задача не только сотрудников соответствующих спецслужб и других государственных структур, но и задача всего общества. При этом нужно всегда понимать, что экстремистами люди не рождаются, а становятся, и на этот процесс влияет социальная среда, в которой формируется личность человека. Молодежь, как губка, впитывает негативные тенденции общества. Главными факторами, влияющими на возникновение молодежного экстремизма, является – воспитание, образование, общественное сознание и образ жизни молодого человека. Поэтому, одним из способов противодействия распространению экстремизма в обществе, ограничение влияния деструктивного интернет-контента на формирование экстремистских взглядов у молодежи является образование граждан, их ознакомление с культурным разнообразием населения страны, историей

нетерпимости, геноцида и других преступлений, которые порождают экстремизм. Поэтому важно включать эти темы в учебные программы, проводить информационные кампании и поддерживать диалог с детьми, подростками и взрослыми с целью укрепления у подростков толерантной среды на основе традиционных ценностей многонационального российского общества. Важно формировать у подрастающего поколения уважение к культурному разнообразию, истории и традициям различных народов, а также понимание важности соблюдения прав и свобод каждого человека.

Целесообразно проводить профилактическую работу с молодежью, направленную на развитие критического мышления, способности анализировать информацию и отличать здоровые идеи от деструктивных. Необходимо создавать альтернативные платформы и сообщества, которые поддерживают позитивные ценности и способствуют развитию здоровых убеждений у молодежи. Создание толерантной среды среди подростков на основе традиционных ценностей многонационального российского общества является важным шагом к формированию гармоничного и устойчивого общества, где каждый человек может чувствовать себя уважаемым и защищенным.

Также важно осознавать, что интернет часто несет в себе деструктивный контент, поэтому важно обратить внимание на контроль и регулирование контента в интернете, что предполагает запрет тех или иных сайтов, удаление экстремистских материалов из сети, ограничение и контроль доступа в интернет на основе использования биометрических данных.

В целом, осознание опасности и принятие соответствующих мер – необходимые условия для безопасного использования интернета и снижение влияние деструктивного интернет-контента на формирование экстремистских взглядов у молодежи. Знание и понимание рисков помогут нам эффективно защищаться от вредоносного контента и использовать все преимущества сети, не подвергая себя ненужным опасностям.

Для решения всех указанных задач, потребуются мобилизация всего государственного аппарата, системы школьного и высшего образования, институтов гражданского общества.

Список источников

1. Информационный сайт tass.ru. Выступление главы Следственного комитета (СК) РФ Александра Бастрыкина в рамках Петербургского международного юридического форума. [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: https://onlinedic.net/ozhegov/page/word_44590,17783.php (дата обращения 29.05.2024 г.).

2. Кузнецов. Толковый словарь русского языка Кузнецова. 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%82> (дата обращения 29.05.2024 г.).

3. Ананьин О. Ю., Базулина А. А. Научная статья. Вербовка молодежи в террористические организации посредством социальных сетей: проблемы профилактики. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <file:///C:/Users/777/Downloads/verbovka-molodezhi-v-terroristicheskie-organizatsii-posredstvom-sotsialnyh-setey-problemy-profilaktiki-1.pdf> (дата обращения 29.05.2024 г.).

4. Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Официальный сайт федеральной службы по финансовому мониторингу. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act> (дата обращения 29.05.2024 г.).

5. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45555> (дата обращения 29.05.2024 г.).

6. Ушаков. Толковый словарь русского языка Ушакова. 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/ushakov/407398.html> (дата обращения 29.05.2024 г.).

7. ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 26.07.2006 N 149 (последняя редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/?ysclid=lx1vwemn8b411798878 (дата обращения 29.05.2024 г.).

8. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/9772/%D0%94%D0%%D0%99?ysclid=lwue5epvxs417662413 (дата обращения 29.05.2024 г.);

Поступила в редакцию 30.11.2023 г.

THE INFLUENCE OF DESTRUCTIVE INTERNET CONTENT ON THE FORMATION OF EXTREMIST VIEWS IN YOUTH

In the modern world, the Internet plays a huge role in the lives of young people, providing them with access to a huge amount of information and a variety of content. However, in addition to the positive aspects, the Internet

is also used to distribute materials promoting extremist and radical ideologies. This article will examine the impact of destructive content on the Internet on the formation of extremist views among young people.

Keywords: Internet; youth; extremism; destructive content.

Ренжигло Роман Евгеньевич
Аспирант кафедры
административного и
финансового права ФГБОУ ВО
«Донецкий государственный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: renzhikre@yandex.ru

Renzhiglo Roman
Postgraduate student of the
Department of Administrative and
Financial Law of Donetsk State
University
DPR, Donetsk
E-mail: renzhikre@yandex.ru

УДК 347.965:340(470+571)

Самсина Ю. А.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ АДВОКАТУРЫ КАК КЛЮЧЕВОГО ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье представлен анализ отдельных проблемных аспектов закрепления адвокатуры в качестве института гражданского общества. Раскрыты особенности адвокатской деятельности как ключевого социального феномена современности. В работе также определены подходы к определению понятия и сущностной характеристики «гражданского общества», как сложного политико-правового явления.

Ключевые слова: адвокатура, гражданское общество, адвокатская деятельность, публичные-интересы, частные интересы.

Приоритетным направлением любого демократического государства в условиях современной действительности выступает охрана прав, свобод и законных интересов граждан посредством предоставления социальных гарантий, которые выступают ключевым аспектом развития населения в процессе реализации своих социально-экономических потребностей. Уровень жизни населения выступает одним из ключевых индикаторов социальной безопасности и благополучия общества и государства в целом. Социальная безопасность, как неотъемлемый компонент национальной безопасности, подразумевает наличие системы социального обеспечения, которая гарантирует защиту граждан от социальных рисков и других форм социального неблагополучия. Благодаря тесному сотрудничеству государства и института адвокатуры достигается тот самый баланс интересов, который поддерживает на должном уровне социальную безопасность страны, посредством предоставления квалифицированной юридической помощи в защите прав и свобод граждан, гарантии их благополучия. Исходя из этого, адвокатура выступает важнейшим институтом правовой системы

© Самсина Ю. А., 2023

современного государства, в рамках осуществления функций которого возможно достижение высокого уровня социальной безопасности, как приоритетного направления развития государства в эпоху различных глобальных угроз.

Для того, чтобы по праву именовать себя современным цивилизованным государством, необходимо обеспечить необходимый базис для формирования социальной модели адвокатской деятельности, отвечающей высоким стандартам правового государства.

Согласно исследованиям Акининой Н. Ю., Анисимова В. Ф. и Кудриной Е. Н., к ключевым параметрам такой модели относятся следующие положения:

«1) адвокатская деятельность законодательно урегулирована государством;

2) институт адвокатуры не является частью государственного аппарата, позиционируется как независимый институт;

3) институт адвокатуры – элемент гражданского общества;

4) институт адвокатуры входит в структуру правоохранительной системы государства;

5) гарант обеспечения прав и свобод человека и гражданина, юридических лиц;

6) высокая роль и важное значение института адвокатуры в общественной жизни;

7) уровень защиты прав человека и гражданина в обществе – высокий;

8) высокие моральные принципы адвокатов» [1, с. 63].

Определяя роль института адвокатуры, также стоит отметить, что он выступает одним из ключевых компонентов формирования общественного мнения о справедливости и законности, развития высокого уровня правосознания граждан и укрепления институтов гражданского общества. Стоит отметить, что институты гражданского общества, как своеобразный индикатор состояния политической и социальной системы страны, играют важную роль в обеспечении связи между гражданами и государством, способствуя активному участию граждан в жизни общества и обеспечивая баланс интересов различных групп населения.

Гражданское общество как научная категория выступает объектом исследования многих исследователей различных отраслей, исходя из междисциплинарного характера данного явления. В свою очередь, среди

авторов, чьи работы посвящены проблемным вопросам адвокатуры, как института гражданского общества стоит отметить таких деятелей науки, как: С. А. Авакьян, Д. В. Ануфриев, А. Б. Барихин, Л. Ф. Болтенкова, А. Е. Жарников, С. В. Калашников, С. И. Картавец, А. А. Мацнев, А. В. Нестеренко, С. А. Пистрякова, И. С. Картавец, Н. А. Якубович, И. С. Яртых и другие.

Основополагающим документом в области организации деятельности адвокатуры выступает Федеральный Закон от 31.05.2002 г. № 63 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» [2]. В его положениях зафиксирован тезис о том, что адвокатура является институтом гражданского общества, не входящим в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления. Несмотря на то, что законодатель подчёркивает положение о том, что адвокатура выступает институтом гражданского общества своим правовым закреплением на законодательном уровне, в науке данный вопрос выступает дискуссионным в связи с неоднозначностью характера такого явления, как гражданское общество. В связи с этим целесообразно выявить существенные признаки данного феномена для уяснения как терминологической составляющей, так и сущностной основы адвокатуры.

Несмотря на свою особую значимость в построении современного правового государства, легальное определение «гражданского общества» отсутствует, в связи с чем данная категория предстает лишь как научная гипотеза. Интерес представляет анализ позиций различных исследователей к трактовке понятия «гражданское общество», их интерпретация сущностных, отличительных признаков рассматриваемой дефиниции. С точки зрения Костянина Г. С. и Казанчяна Л. А. гражданское общество выступает в виде «системы общественных институтов защиты общественного блага, сформированного на основе относительно независимого гражданского самосознания, иногда в результате сотрудничества, но часто посредством альтернативных, нестандартных решений, таких как гражданского неповиновение, гражданской инициативы» [3, с. 5]. При этом справедливым считается позиция Матузова Н. И., который в своих работах подчёркивал, что «основной смысл рассматриваемого термина заключается в том, что как не всякое общество, населенное гражданами, является гражданским, так и не любое государство, где действует право, выступает правовым» [4, с. 89].

Жамбалова Б. Б. в смысл своей трактовки вносит признак «самопроявления свободных граждан и добровольно сформированных ассоциаций, и организаций, ограниченных законом от прямого вмешательства и произвольной регламентации государства» [5]. Такие авторы, как Кашанина Т. В. Кашанин А. В. определяют гражданское общество как общество с развитыми экономическими, политическими, правовыми, культурными отношениями между его членами, независимое от государства, но взаимодействующее с ним [5, с. 58].

Интерес представляет и интерпретационная основа, представленная профессором Исаковым В. Б., который дает иное определение гражданскому обществу в отличие от трактовок представленных ранее. Под гражданским обществом он понимает «...совокупность негосударственных институтов и отношений в экономической, политической, социальной и духовной жизни общества, отражающих интересы и потребности различных групп населения; а также это сфера самодеятельности и самореализации граждан в целях решения жизненно важных вопросов, защиты своих прав и свобод» [7, с. 516].

Таким образом, на основании представленных позиций, отличающихся по своему набору исключительных параметров, которыми наделяют исследователи свои авторские трактовки понятия «гражданское общество», стоит указать на сложность и многогранность рассматриваемого явления. Однако, по-нашему мнению, в силу того, что понятие «гражданское общество» фигурирует в текстах нормативных актов, законодателю необходимо обратить внимание на закрепление трактовки данного политико-правового феномена на законодательном уровне, что в свою очередь исключило бы неточность и плюрализм мнений относительно сущностного восприятия указанного явления с учётом отражения всех ключевых аспектов в законодательной интерпретации.

Помимо этого, это законодательное закрепление дефиниции «гражданское общество» позволит выработать оптимальную законодательную модель, которая станет надежной методологической базой для эффективной реализации соответствующих правовых механизмов, связанных с правовой концепцией гражданского общества.

Диаметрально противоположной выступает позиция авторов, которые в научных кругах высказывают мнение об ошибочном отнесении адвокатуры к числу института гражданского общества.

Данная позиция базируется на предположениях, что «законодательное закрепление адвокатуры как института гражданского общества произошло только по причине схожести признаков адвокатуры с признаками гражданского общества» [8, с. 314], но, например, ее тесная взаимосвязь с государственной системой правосудия позволяет ряду исследователей отрицать отношение адвокатуры к гражданскому обществу.

В своём исследовании Адриянов Н. В., «через раскрытие системных связей адвокатуры, гражданского общества и государства обосновал вывод о том, что адвокатура, не принадлежа в структурном отношении ни к тому, ни к другому, является институтом, обеспечивающим коммуникативное взаимодействие гражданского общества и государства в сфере правоприменения» [9, с. 8]. В свою очередь Ситников М. В., настаивает на том, что адвокатуру нельзя рассматривать как институт гражданского общества, поскольку ей не хватает двух обязательных признаков – общественности и добровольности [10, с. 67].

Адвокатура занимает особое место в правовой системе, находясь на стыке публичных и частных интересов. С одной стороны, она представляет интересы конкретных своих доверителей, выступая в качестве института гражданского общества. С другой стороны, основываясь на признаке правозащитной природы, адвокатура играет ключевую роль в обеспечении справедливого правосудия, путём оказания квалифицированной юридической помощи, что придает ей публично-правовой характер.

По-нашему мнению, на данный дискуссионный аспект стоит смотреть более шире, нежели опираться исключительно на совпадающие признаки. Решение законодателя имеет комплексные предпосылки, которые базируются на исторической составляющей и развитии демократических институтов правового государства. Институт адвокатуры является особым институтом гражданского общества, который целесообразно выделять в отдельную категорию с учётом сочетания исключительных особенностей, как связующего звена между государством и гражданами.

Опровергая факт того, что одновременное присутствие частного и публичного интереса в сущностной природе адвокатской деятельности, указывает на исключение факта её отнесения к гражданскому обществу, такой научный деятель, как Яртых И. С. подчёркивает: «...Суть

общественного интереса есть защита частного интереса посредством справедливого отправления правосудия» [11, с. 96].

Указанная позиция позволяет сделать вывод, что именно публичный интерес предопределяет социальный статус адвокатуры как института гражданского общества. При этом, стоит подчеркнуть, что публичный интерес не замыкается исключительно в рамках государственных прерогатив. К примеру, Васильева М. И. в число публичных интересов включает:

«1) государственные интересы в той их части, которая отражает интересы общества в целом;

2) общественные интересы, понимаемые как интересы гражданского общества в той степени, которая соответствует уровню их познания и которая может быть обеспечена правозащитой» [12, с. 64].

По справедливому утверждению Магомедовой Е. А., Воробьевой М. О. и Зайцевой М. А. «в качестве дополнительного аргумента в пользу признания адвокатуры институтом гражданского общества необходимо обозначить, что адвокаты, посредством оказания профессиональной юридической помощи, совершенствуют правовую культуру населения» [8, с. 315].

Повышение уровня общественного правосознания является действенным катализатором в организации человеческого стремления к неукоснительному соблюдению законов, тех или иных социальных норм, что с одной стороны, способствует укреплению правопорядка и улучшению качества жизни граждан, а с другой – стимулирует развитие основ гражданского общества.

Таким образом, на основании проведённого анализа стоит ещё раз подчеркнуть, что адвокатура, выступая неотъемлемым атрибутом демократического правового государства Российской Федерации, выполняет важнейшие функции по защите прав и законных интересов граждан, оказывает квалифицированную юридическую помощь, способствует укреплению гарантий независимости судебной власти. Бурные обсуждения, которые вызваны дискуссионным характером правовой природы адвокатской деятельности, свидетельствуют о важности и актуальности данной темы и необходимости дальнейших разработок относительно ключевых нюансов, в том числе и усовершенствовании законодательных норм, регламентирующих правовые положения адвокатской деятельности, как института гражданского общества.

Список источников

1. Введение в сравнительную адвокатуру: учебное пособие / Акинина Н. Ю., Анисимов В. Ф., Кудрина Е. Н. / под. ред. Анисимова В. Ф. – Ханты-Мансийск: Югорский государственный ун-т, 2017. – 217 с.
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/?ysclid=lx1oq0bazg888480215 (дата обращения: 15.05.2024). – Загл. с экрана.
3. Костанян, Г. С. Сущность и особенности понятия «Гражданское общество» / Г. С. Костанян, Л. А. Казанчян // Sciences of Europe. – 2021. – № 70-3(70). – С. 3-6.
4. Матузов, Н. И. Гражданское общество: сущность и основные принципы / Н. И. Матузов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1995. – № 3. – С. 83-93.
5. Жамбалова, Б. Б. Адвокатура как современный правовой институт гражданского общества / Б. Б. Жамбалова, Е. А. Хлыстов // Молодой ученый. – 2016. – № 11(115). – С. 1289-1292 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/115/30704/> (дата обращения: 15.05.2024). – Загл. с экрана.
6. Кашанина, Т. В. Российское право: учебник / Т. В. Кашанина, А. В. Кашанин. – 2-е изд., пересмотр. – Москва : Норма: ИНФА-М, 2013. – 784 с.
7. Исаков, В. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. Б. Исакова. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 656 с.
8. Магомедова, Е. А. Адвокатура как институт гражданского общества: Проблемные аспекты / Е. А. Магомедова, М. О. Воробьева, М. А. Зайцева / Современный ученый. – 2021. – № 4. – С. 313-318.
9. Андриянов, Н.В. Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры : автореф. дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2006. – 24 с.
10. Ситников, М. В. Проблемы правового регулирования взаимодействия адвокатуры и институтов гражданского общества в современной России // Современное право. 2013. № 10. С. 66–68.
11. Яртых, И. С. Адвокатура и гражданское общество : монография / И. С. Яртых ; Яртых Игорь Семенович. – Ульяновск : Обл. тип. «Печатный двор», 2007. – 335 с.
12. Васильева, М. И. Публичные интересы в экологическом праве / М. И. Васильева; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2003 (Тип. Изд-ва МГУ). – 423 с.

Поступила в редакцию 30.11.2023 г.

PROBLEMATIC ASPECTS OF ADVOCACY AS A KEY INSTITUTION OF CIVIL SOCIETY

The article presents an analysis of certain problematic aspects of the consolidation of the bar as an institution of civil society. The features of advocacy as a key social phenomenon of our time are revealed. The paper also defines approaches to defining the concept and essential characteristics of «civil society» as a complex political and legal phenomenon.

Keywords: advocacy, civil society, advocacy, public interests, private interests.

Самсина Юлия Анатольевна

аспирант кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Донецкий
государственный университет»
ДНР, г. Донецк

E-mail:

u.samsina.dongu.jur@mail.ru

Samsina Julia

Postgraduate student of the
Department of Theory and
History of State and Law of
Donetsk State University
DPR, Donetsk

E-mail:

u.samsina.dongu.jur@mail.ru

УДК 342

Ткаченко М. М.
Соколенко А. В.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

В статье ставится задача выявить тенденции влияния миграционной политики на гражданское общество и разработать рекомендации по регулированию миграционной политики. Авторами выделяются позитивные и негативные последствия миграционных процессов и миграционной политики на жизнь гражданского общества. Выявляются угрозы неконтролируемой миграции. Предлагаются способы поднятия эффективности миграционной политики с целью обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и гармоничного развития гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, миграционный процесс, миграционная политика, последствия миграции, национальная безопасность.

На протяжении длительного периода вопрос развития гражданского общества привлекает различные науки: философию, социологию, юриспруденцию, политологию и многие другие. Вызвано это тем, что на гражданское общество оказывает существенное влияние буквально все институты, сферы, процессы, события. Сложно представить какой-то фактор, который хотя бы косвенно не отразится на жизни гражданского общества в целом.

По мнению Нарыковой С. П. гражданское общество представляет собой «позитивную, конструктивную социальную силу, соотносимую и сопоставимую с государством, способную ограничивать его в сущностных проявлениях своей самостоятельностью» [1, с. 93].

Анализируя данное определение становится понятно, что гражданское общество и государство находятся во взаимной

зависимости. Деятельность государства и его политика в различных сферах непосредственно влияют на становление и развитие гражданского общества.

По-нашему мнению, в качестве факторов, оказывающих наибольшее влияние в настоящий момент на гражданское общество, следует назвать такие:

1. Вхождение в состав Российской Федерации Донецкой и Луганской народных республик (далее – ДНР и ЛНР), а также Херсонской и Запорожской областей.

2. Активно происходящие миграционные процессы, которые в последнее время становятся более масштабными, что затрудняет контроль над ними со стороны государства. В настоящей статье будет рассмотрен детальнее данный аспект.

Способы и меры, направленные на урегулирование миграционных процессов и правоотношений, тесно связанных с ними, и закрепленные в законодательстве составляют миграционную политику государства.

В настоящее время цель, принципы, задачи и основные направления государственной миграционной политики Российской Федерации закреплены Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622.

В соответствии с приведённой выше Концепцией, целью миграционной политики является создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода [2].

В доктрине активно обсуждаются вопросы миграционных процессов и миграционной политики. Например, Волох В. А., Бучаков С. А., Сазонова О. А., Дмитриева Т. Н., Рашитов Л. Р., Косарева В. В., Кушхов А. А., Субботин А. А. посвятили свои диссертации различным аспектам миграционной политики.

Интересно, что вопросы, связанные с миграцией, рассматриваются разносторонне, а не только политологами, юристами, социологами.

Так, к примеру, одной из относительно новых работ является диссертация Путулян Н. С. «Педагогическая адаптация детей-мигрантов в начальной школе». Автор отмечает, что непринятие мигрантов среди местных жителей влечет за собой формирование закрытого социума мигрантов, старающихся в «своем круге» (социально изолированной группе) защититься от неполноценности, дискриминации и компенсировать необходимость коммуникации. Кроме того, отмечен высокий риск радикализации мигрантов в закрытых сообществах. В то же время учеными отмечен опыт успешной языковой и социокультурной адаптации семей мигрантов через детей [3, с. 3]. Даже педагогическое сообщество активно подключается к разрешению проблемных аспектов, которые влекут за собой масштабные миграционные процессы.

Неконтролируемые миграционные процессы могут нести серьёзную угрозу для безопасности государства и населения, они могут влиять на экономическую безопасность государства, стать причиной этнических и миграционных конфликтов, существенно понизить безопасность границ государства. Важно отметить, наибольшую опасность для государства представляют мигранты, проникшие в страну незаконным путем, т.к. они готовы совершать незаконные действия, такие как: террористические акты, незаконный оборот наркотических и психотропных веществ, оружия и боеприпасов к нему, взрывчатых веществ, торговля органами и людьми, разрушение традиционных нравственных ценностей, распространение экстремизма и т. д. Данную точку зрения подтверждает заявление, сделанное Секретарем Совета Безопасности России Николаем Платоновичем Патрушевым в ходе XII-й Международной встречи высоких представителей, курирующих вопросы безопасности, прошедшей 25 апреля 2024 года, в Санкт-Петербурге под эгидой Совбеза России: «Спровоцированные рукотворными кризисами потоки мигрантов и временно перемещенных лиц разрушают этноконфессиональный баланс и формируют предпосылки не только для изменения границ, но и для распада стран. Более того, нелегальная миграция является крупным источником гуманитарных рисков. Она тесно связана с террористическими угрозами, организованной преступностью, торговлей оружием, наркотиками, людьми и человеческими органами. Обращено внимание на важность создания эффективной системы контроля за миграционными потоками, оптимизации механизмов

депортации, унификации миграционного законодательства» [4]. Это подтверждает актуальность и необходимость строгого регулирования и контроля миграционных процессов.

Однако, миграция имеет и положительные стороны, ведь этот процесс ведёт к решению некоторых социальных и экономических задач. Среди таких можно отметить:

1. Обмен социальным и культурным опытом.

2. Компенсация дефицита рабочей силы и повышение квалификации работников. Мигранты имеют мотивацию работать лучше, повышать уровень своих знаний и навыков для того, чтобы получить работу, несмотря на отсутствие гражданства, недостаточный уровень владения языком и т.д. Таким образом, возможно повысить количество образованных работников, повысить конкуренцию между ними, что мотивирует на большее развитие.

Однако, эти на первый взгляд положительные аспекты миграции без надлежащего регулирования имеют свои негативные стороны, при чем как для Российской Федерации, так и для самих мигрантов. К примеру, обмен социальным и культурным опытом может быть полезным только тогда, когда представители обеих культур готовы с уважением относиться к обычаям, традициям и национальным особенностям друг друга. К сожалению, во многих регионах России всё чаще можно столкнуться с ситуацией, когда мигранты объединяются в закрытые социо-культурные общины по национальному признаку. Попустительское отношение к данному процессу может привести к тому, что подобные «диаспоры» будут бесконтрольно увеличиваться, приобретая в конечном итоге реальную возможность влиять на жизнь общества. К сожалению, отсутствие желания ассимилироваться у подобных скоплений мигрантов может привести к непоправимому ущербу для культурных ценностей и национальных интересов Российской Федерации.

Компенсация дефицита рабочей силы за счет мигрантов без должного контроля в свою очередь может привести к тяжелым экономическим последствиям. К примеру, за счет дешевизны неквалифицированного труда мигрантов происходит «вытеснение» граждан России из таких профессий как строитель, водитель и т.д.

Также, нельзя не обратить внимание на то, что в настоящий момент происходит интеллектуальная эмиграция из России, так называемая «утечка умов». Большую часть покидающих территорию Российской Федерации специалистов составляют люди с техническим образованием [5, с. 111].

3. Выравнивание демографической картины. Согласно данным Росстата, представленных в отчетах iminfin.ru по социально-экономическому положению, число родившихся на 1000 человек в 2023 году составило 8,7. С 2022 года, когда родилось 9 человек на 1000 населения, она сократилась на 3,3 %. Этот рекордно низкий показатель с 1999 года, когда он был на уровне 8,3 [6].

4. Возможность контроля численности населения крупных городов и сельской местности благодаря грамотной миграционной политике. Как известно, неконтролируемые миграционные потоки формируют рост городского населения и стабильное снижение сельского, данную ситуацию возможно отрегулировать грамотно спланированной миграционной политикой.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать промежуточный вывод о том, что миграция – это естественный и неотъемлемый процесс, от которого осуществления которого не стоит отказываться, т.к. он может принести пользу для государства, решить его текущие и стратегические задачи, помочь поддерживать дружеские и партнерские отношения с государствами-соседями. Конечно, миграция сопряжена с некоторыми рисками, поэтому необходимо выработать такую политику, которая будет балансировать между безопасностью и преимуществами, связанными с миграцией. Таким образом, перед нами встаёт задача – выявить тенденции влияния миграционной политики на гражданское общество и разработать рекомендации по регулированию миграционной политики.

По нашему мнению, для поднятия эффективности миграционной политики с целью обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и гармоничного развития гражданского общества целесообразно обратить внимание на следующие аспекты:

1. Необходимо четко установить цели, задачи и сроки, для реализации которых государству необходима миграция. Затем, на основании этих данных провести анализ, установить необходимое количество мигрантов на определенный временной период. Далее в зависимости от целей государства можно определить критерии для потенциальных мигрантов. Таким образом появится возможность регулировать поток квалифицированных и неквалифицированных приезжих.

2. Логичным продолжением первого пункта будет создание механизма привлечения квалифицированных кадров из-за рубежа. Данный механизм должен быть создан с учётом зарубежного опыта. Эта мера поможет государству приумножить свой интеллектуальный капитал.

3. Также для эффективного проведения миграционной политики важно создать взаимовыгодные условия для государства и мигрантов. Это позволит создать благоприятные условия для развития гражданского общества Российской Федерации. Для государства целесообразно быть готовым гибко регулировать вопросы миграционной политики. При необходимости вовремя принимать правовые нормы для защиты прав мигрантов, ведь они не редко сталкиваются с разного рода притеснениями. Однако, с целью уменьшения количества правонарушений со стороны мигрантов государство может внести изменения в свое административное и уголовное законодательство.

4.. Целесообразно поощрять мигрантов, желающих принести пользу государству, изъявляющих желание ассимилироваться и стать полноправной частью многонационального народа Российской Федерации, путем получения гражданства. Однако вместе с тем, необходимо усилить контроль процедуры получения вида на жительство и гражданства, качественно проверять знание истории России и государственного языка.

В заключении, отметим, что в настоящее время необходимо выработать миграционную политику, которая будет направлена в первую очередь на минимизацию угроз национальной безопасности государства, развитие современного гражданского общества и на извлечение взаимных для государства и мигрантов выгод. В противном случае, если вопрос миграции оставить без должного внимания, он может стать настоящим вызовом для национальной безопасности Российской Федерации.

Список источников

1. Нарыкова, С. П. Правовое государство и гражданское общество: мифы и проблемы (к вопросу о гражданском обществе) / С. П. Нарыкова // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2014. – № 6. – С. 92-96.
2. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы : указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 // СЗ РФ. 2018. № 45, ст. 6917.
3. Путулян, Н. С. Педагогическая адаптация детей-мигрантов в начальной школе: автореф. дисс. канд. педагогич. наук: – 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования / Путулян Нарине Сереевна. – Казань, 2023. – 25 с.
4. Трансляция XII Международной встречи высоких представителей, курирующих вопросы безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Y3bvqMBDPYQ>. – Дата обращения: 29.05.2024. – Загл. с экрана.

5. Зарецкая, Л. П. Проблема «утечки умов» и пути ее решения в Российской Федерации / Л. П. Зарецкая, В. Д. Голендухина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 3. – С. 110-113.

6. Демографические итоги 2023 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iminfin.ru/news/566-demograficheskie-itogi-2023-goda>. – Дата обращения: 29.05.2024. – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 30.11.2023 г.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE MIGRATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS IMPACT ON MODERN CIVIL SOCIETY

The article aims to identify trends in the influence of migration policy on civil society and develop recommendations for regulating migration policy. The authors highlight the positive and negative effects of migration processes and migration policy on the life of civil society. Threats of uncontrolled migration are being identified. The author suggests ways to increase the effectiveness of migration policy in order to ensure the national security of the Russian Federation and the harmonious development of civil society.

Keywords: civil society, migration process, migration policy, consequences of migration, national security.

Ткаченко Михаил Михайлович
ассистент кафедры права и
национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Донецкий
государственный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: m.tkachenko.dongu@mail.ru

Tkachenko Mikhail
Assistant of the Department Law
And National security of Donetsk
State University
DPR, Donetsk
E-mail: m.tkachenko.dongu@mail.ru

Соколенко Анастасия Вадимовна
ассистент кафедры теории и
истории государства и права
ФГБОУ ВО «Донецкий
государственный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: a.sokolenko.donnu.jur@mail.ru

Sokolenko Anastasia
Assistant of the Department of
Theory and History of State and
Law of Donetsk State University
DPR, Donetsk
E-mail: a.sokolenko.donnu.jur@mail.ru

УДК 347.78

Финкина А. П.
Поздеева В. С.

ФАНФИКШН И АВТОРСКОЕ ПРАВО

В данной статье исследуется вопрос о сущности и возможностях правомерного создания и использования таких объектов, как фанфики. Данные произведения с трудом поддаются классификации, в юридической литературе данный вопрос остается во многом не изучен. Рассмотрены особенности фанфикшна и возникновение авторских прав на него и соотношение с правами авторов первоначального произведения.

Ключевые слова: авторское право, фанфикшн, право на персонажа, право на неприкосновенность, фанатское творчество.

Романы, сериалы, книги, литературные произведения вдохновляют поклонников на создание фанатского творчества: портретные рисунки, небольшие рассказы с героями, общение от их лица, косплеи. Если раньше поклонники делились данным творчеством в ограниченном количестве, то с развитием Интернета их работы перешли на веб-сайты, форумы, социальные сети. Данное явление стало привлекать большое внимание авторов оригинальных произведений. В связи с этим возник вопрос относительно авторских прав на такие произведения.

Под фанфикшн следует понимать истории, написанные поклонниками художественных произведений, кинофильмов, сериалов и компьютерных игр. Особенностью данного вида творчества является заимствование идей, сюжета и героев оригинального произведения. Авторы таких работ называют фикрайтерами, а их работы – фанфиками. В сети Интернет для таких рассказов имеются специальные сайты, где публикуются исключительно фанфики.

Учитывая, что фанфик является новым произведением, которое создано на основе оригинального, он называется производным

произведением и требует разрешения прав правообладателя оригинала. Так, согласно пункта 3 статьи 1260 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), автор производного или составного произведения осуществляет свои авторские права при условии соблюдения права авторов произведений, использованных для создания указанного произведения [1]. То есть автор производного или составного произведения может осуществлять свои авторские права только тогда, если он не нарушает права авторов исходных произведений.

Седрисев К. А. утверждает, что фанфик можно назвать самостоятельным литературным жанром современности [2, с. 271]. Антипина Ю. В. же считает фанфикшн околослитературным феноменом, так как самостоятельность фанфика условна: фикрайтер не создавал собственного литературного мира, не задумывался над особенностями персонажа – по сути, он пользуется литературными реалиями автора первоисточника [3, с. 21].

История создания данных произведений начинается в 1960-е годы в США, когда был показан научно-фантастический телевизионный сериал «Звездный путь». Поклонники этого творчества стали выпускать журнал, в котором часть материала представляла собой фанфики [4, с. 110].

Популярным источником произведения стал Шерлок Холмс – персонаж произведения Артура Конан Дойла. Поклонники пишут про него произведения, где он проводит расследования в разных частях света, в одном из таких фанфиков сыщик осуществлял свою деятельность в Беларуси [5].

С точки зрения авторских прав, фанфики делятся на три большие группы: ориджиналы, переводы и непосредственно сам фанфик. Ориджинал является самостоятельным произведением, которое без проблем охраняется авторским правом. Перевод же является производным произведением, который также подпадает под охрану. С фанфиками же будет сложнее, так как они в свою очередь делятся на подвиды:

1) статьи по фендомам. Данный вид – абсолютно самостоятельное произведение, для авторов которых фендом является только темой.

2) самостоятельные литературные произведения, в которых используются герои и «вселенная» оригинала, но сюжет не связан с оригиналом. В данном случае вид является производным произведением и нарушает права на персонажей.

3) самостоятельные литературные произведения, в которых используются герои оригинала, используется сюжет, но не используется «вселенная».

4) самостоятельные литературные произведения, в которых используются герои оригинала, но не используется «вселенная» и сюжет.

5) самостоятельные литературные произведения, в которых используются «вселенная» оригинала, но не используются герои. По общему правилу такое произведение не является производным, так как «вселенная» приравнивается к «идеям». Но такую вселенную могут посчитать самостоятельной частью произведения.

6) самостоятельные литературные произведения, в которых используются герои и «вселенная» оригинала, а также сюжет. Например, большая часть повествования совпадает с оригиналом, а развитие сюжета приходится на самый конец.

7) истории, в качестве персонажей которых выступают «известные» люди. За редкими исключениями не имеет отношения к авторскому праву, так как личность человека не охраняется авторскими правами и автор свободен в фантазии [6].

Согласно пункта 7 статьи 1259 ГК РФ, авторские права распространяются на часть произведения, на его название, на персонажа, если по своему характеру они могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда автора.

Таким образом, любое авторское произведение считается легальным, если оно производится с согласия правообладателя. Как было указано в пункте 10 «Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав» от 23 сентября 2015 года [7]: «Незаконное использование части произведения, названия произведения, персонажа произведения является нарушением исключительного права на произведение в целом, если не доказано, что часть произведения является самостоятельным объектом охраны».

Весной 2020 года в китайском сегменте фанфикшн-сообщества разгорелся большой скандал: фанаты певца Сяо Чжэня возмутились фанфиком, в котором Сяо и его партнера по сериалу Ван И Бо изобразили в виде гомосексуальной пары, помимо этого, в фанфике Сяо Чжэнь предстал в виде трансгендера. Конфликт вышел на государственный уровень и в феврале Китай заблокировал крупнейший фанатский сайт Archive Of Our Own [8].

Часто на практике некоторые правообладатели обращаются с жалобами из-за создания более «взрослого» фанфика, в котором герои могут быть обнажены или заниматься действиями сексуального характера – то, чего не может быть в оригинальном произведении [9].

Таким образом, имеются основания предполагать, что некоторые варианты фанфиков могут иметь характер, наносящий ущерб автору его чести и достоинства. Персонажу могут быть преданы иные характерные черты, которые являются противоположностью изначальной задумки автора. Читатели будут полагать, что произведение является оригинальным, а не фанатской версией.

Для того, что бы снизить риск привлечения к ответственности за использование произведения или его части, авторы фанфиков публикуют дисклеймеры, которые указывают, что работы используются не в коммерческих целях. Но указание на то, что это произведение опубликовано не в коммерческих целях не означает, что авторов производного произведения не могут привлечь к ответственности.

Гаврилов Э. П. описывал соотношение между первоначальным и производным произведением как «характерный признак любой переработки – заимствование элементов формы другого произведения, что создает правовую зависимость» [10, с. 88].

Производным произведением является перевод, обработка, экранизация, инсценировки, которые не меняют сущность произведения. При переводе суть текста не меняется – он излагается на ином языке. При пересказе излагается краткое содержание текста произведения иными словами. Инсценировка делает произведение возможным для представления на сцене. Во всех случаях сущность остается неизменной – изначальное произведение представляется в новых формах. Производные произведения могут получить правовую охрану, если будут соблюдены права создателей «изначальной» формы.

Так, в 2003 году появилась информация о том, что Амстердамский суд запретил издание книги «Таня Гроттер и магический контрабас» в Голландии, так как это нарушило бы интересы правообладателя книг о Гарри Поттере. Как отмечалось в СМИ, судья пришел к выводу, что книга о Тане Гроттер является развитием сюжетных линий книг о Гарри Поттере, и не принял во внимание аргументы ответчика о том, что текст является пародийным. Со стороны Джоан Роулинг было предъявлено

обвинение в плагиате и заимствование «сюжета, интриги и характеров» [11].

Этот пример наглядно демонстрирует, что хоть и произведение, по мнению автора «Тани Гроттер» Д. Емца, является пародией, но был заимствован сюжет, интрига и характер персонажей. Также «пародийное произведение» использовалось в коммерческих целях. Вышедшая книга в издательстве «Эксмо» разошлась тиражом 100 тысяч экземпляров [12], что, вероятнее всего, принесло не маленький доход автору.

Легальные продажи фанатской литературы можно осуществить с помощью приобретения прав на отдельных персонажей. Например, Disney готовы предложить взять персонажа в «аренду» за 100 тысяч долларов на срок от 1 до 3 лет, а также 10 % от суммы каждой продажи [13].

В настоящее время стало популярным донатить авторам на дальнейшее развитие творчества, получив взамен продолжение или новую историю в виде фанфика. Они не продают произведение напрямую, но авторские права также можно считать нарушенными, так как авторы получают деньги за производное произведение с теми же персонажами, локациями, сюжетом.

Возвращаясь к вопросу о праве на неприкосновенность и праве на переработку произведения, в статье 1266 ГК РФ сказано, что не допускается без согласия автора внесение в его произведение изменений, сокращений и дополнений, снабжение произведения при его использовании иллюстрациями, комментариями и какими-то объяснениями.

Кирсанова К.А. отмечала, что «суды, четко уяснив, что изменения произведения могут носить двойной характер, как порождая новое произведение, так и не образуя его, единогласно признают, что переработанным произведением будет являться произведение, отличающееся от первоначального произведения по форме. Однако принятые решения свидетельствуют о том, что право на переработку произведения безвозвратно смешалось с правом на неприкосновенность произведения» [14, с. 131].

Таким образом, с точки зрения законодательства фанфикшн можно считать нарушением авторского права автора книги или издательства-правообладателя, киностудии, если при создании фанфика фикрайтер

использует авторских персонажей, в некоторых случаях часть произведения.

В любом случае, для внесения своих изменений или написания произведения с использованием некоторых самостоятельных объектов в соответствии со статьей 1266 ГК РФ и статьей 1270 ГК РФ, важно получить согласие автора или иного правообладателя.

Авторское право в данном случае распространяется на персонажей, сюжет, вселенную, в которой происходят действия. Законно использовать данные объекты можно только с разрешения автора. Помимо разрешения, в своих авторских фанфиках нужно использовать информацию, которая не очерняет персонажей и самого автора.

Обойти разрешение автора можно только в том случае, когда истек срок авторского права на произведение. По законодательству, автор произведения и персонажей имеет на них полное право только при жизни, а его наследники – только в течение следующих 70 лет.

Но так как большинство фанфиков создаются на основе современной литературы и медийных личностей, важно помнить, что обязательным является получение разрешения на использование определенного объекта изначального произведения, недопустимо распространять информацию, которая порочит честь и достоинство персонажей или иным образом наносить вред деловой репутации автора первоначального произведения.

Список источников

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть 4) от 18 декабря 2006 года №230-ФЗ (редакция от 10.01.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 26.02.2023). – Загл. с экрана.
2. Седрисев, К.А. Фанфик как самостоятельный литературный жанр современности // Новые вопросы в современной науке. – Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2017. – С. 263-272.
3. Антипина, Ю. В. Жанровые особенности фанатской прозы (на примере фанфикшена по творчеству братьев Стругацких) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 13(228). – С. 21-25.
4. Шакель, Н. В. Фанфик: от понимания сущности к возможностям правомерного создания и использования по праву Республики Беларусь // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 6. – С. 109-114.

5. Васильева, Е. Игра началась: зачем авторы фанфиков отправили Шерлока в Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sputnik.by/20161101/igra-nachalas-zachem-avtory-fanfikov-otpravili-sherloka-v-belarus-1025897886.html> (дата обращения: 26.02.2023).
6. Irinastar. Авторское право и бесправие в фан-творчестве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ficbook.net/readfic/4165243> (дата обращения: 26.02.2023).
7. «Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав» (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186586/ (дата обращения: 26.02.2023). – Загл. с экрана.
8. Свежицина, Д. «Почему так много людей читают и пишут фанфики?», «Почему писателю полезно написать фанфик?» и другие стыдные вопросы о фанфикшене [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mnogobukv.hse.ru/news/374875010.html> (дата обращения: 26.02.2023).
9. Фанфики и авторские права: интеллектуальная собственность в фан творчестве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nris.ru/blog/fanfiki-i-avtorskie-prava-intellektualnaya-sobstvennost-v-fan-tvorchestve/> (дата обращения: 26.02.2023).
10. Гаврилов, Э.П. Советское авторское право: Основные положения. Тенденции развития. – Москва : Наука, 2016. – 222 с.
11. Поттер и Гроттер: история конфликта. Кто прав и чьи права? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/YqLDf6dL4grC1tmo> (дата обращения: 24.03.2023).
12. «Таня Гроттер» – великолепный плагиат или книги, проверенные временем... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dzen.ru/a/XLx4rzRWrACzk_B_ (дата обращения: 26.02.2023).
13. Как заработать на фанфиках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uspet-vse.ru/articles/kak-mozhno-zarabotat-na-fanfikah.html> (дата обращения: 26.02.2023).
14. Кирсанова, К. А. Интеллектуальные права на хореографическое произведение, его исполнение и постановку // Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2016. – 197 с.

Поступила в редакцию 30.11.2023 г.

FANFICTION AND COPYRIGHT

This article explores the question of the essence and possibilities of the legitimate creation and use of such objects as fan fiction. These works are difficult

to classify, in the legal literature this issue remains largely unexplored. The features of fanfiction and the emergence of copyright on it and the relationship with the rights of the authors of the original work are considered.

Keywords: copyright, fanfiction, the right to a character, the right to inviolability, fan creativity.

Финкина Анна Павловна

старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Донецкий
государственный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: a.finkina@donnu.ru

Finkina Anna

Senior Lecturer at the Department
of Civil Law and Procedure of
Donetsk State University
DPR, Donetsk
E-mail: a.finkina@donnu.ru

Поздеева Виктория Сергеевна

студент юридического
факультета ФГБОУ ВО
«Донецкий государственный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: pozdeeva68vika@mail.ru

Pozdeyeva Victoria

law student of Donetsk State
University
DPR, Donetsk
E-mail: pozdeeva68vika@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. В печать принимаются научные статьи на русском и английском языках, которые имеют необходимые элементы:

 постановка проблемы в общем виде и её связь с важнейшими научными и практическими задачами;

 анализ последних достижений и публикаций, в которых рассмотрена данная проблема и на которые ссылается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, на решение которых направлена данная статья;

 формулирование цели и постановка задач;

 изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;

 выводы из этого исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

2. Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт., с выравниванием по ширине. Аннотация (до 500 знаков с пробелами; ориентировочно 10 строк), ключевые слова (не менее 5), список литературы, таблицы, подрисуночные подписи – шрифт Times New Roman, размер 12 пт. Без автоматической расстановки переносов. Таблицы располагаются по тексту строго в пределах печатного поля книжной ориентации страниц после первого упоминания. Каждый рисунок имеет подпись (не совмещенную с рисунком), а таблица – заглавие (выравнивание – по центру). Все рисунки и таблицы должны быть последовательно пронумерованы арабскими цифрами. Сканированные рисунки не принимаются. При наличии рисунков и таблиц их необходимо предоставлять в отдельном файле с возможностью редактирования.

3. Объем статьи — 7–10 страниц печатного текста формата А4. Поля: левое – 3,0 см, нижнее – 1,5 см, правое – 1,5 см, верхнее – 2,0 см. Междустрочный интервал – полуторный. Абзацный отступ – 1,25 см.

4. Текст рукописи должен соответствовать следующей структурной схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (14 кегль, без абзацного отступа).

– НАЗВАНИЕ статьи — полужирный, выравнивание по центру без абзацного отступа (прописными буквами без переноса слов, 14 кегль);

– Через строчку: аннотация на русском языке, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты и ключевые слова. Таким же образом оформленные аннотация и ключевые на английском языке (12 кегль, абзацный отступ 1,25, выравнивание по формату, одинарный интервал);

– В конце статьи копирайт ©, фамилия и инициалы автора(ов), год (12 кегль, выравнивание по правому краю);

– Словосочетание СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (полужирный, все прописные, 12 кегль без абзацного отступа с выключкой по левому краю). Перечень литературных источников (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке появления ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала и оформленные в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание». Ссылка на источник дается в тексте статьи и оформляется в квадратных скобках ([5, с. 22]). Ссылки допускаются только на опубликованные работы по исследуемому вопросу. Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

5. В конце статьи обязательно указываются следующие сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке); ученая степень и звание (на русском и английском языке); полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке); адрес электронной почты каждого автора и телефон для контактов.

6. Текст статьи должен быть тщательно выверен, без орфографических ошибок. Сокращения слов, кроме общепринятых, не допускаются или обязательно даётся их расшифровка.

7. Если статья подается на английском языке, то прилагается её русский вариант.

8. Аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений. К статье в обязательном порядке прилагается отчет о проверке научной работы на уникальность и поиск заимствований.

10. Рукопись проходит независимое анонимное рецензирование специалистами на предмет научной ценности статьи, её соответствия профилю и требованиям журнала. По рекомендации рецензентов редколлегии принимается решение о возможности и условиях опубликования статьи.

11. Публикация статей в журнале бесплатная.

Научное издание

**Вестник Донецкого национального
университета.
Серия Е: Юридические науки**

2023. – № 2

Технический редактор: А. К. Ярошенко

Адрес редакции:
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк
Тел.: +38 (949) 36-707-35
E-mail: redact@donnu.ru
URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Подписано в печать 15.12.2023 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 8,84.
Тираж 100 экз.